

СЯТІ-НОВА

ЛИРИКА

СЯТ
НОВА
ЛИРИКА

Garm-Hoba

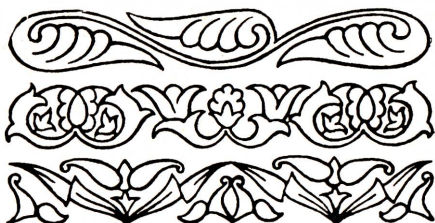
Garm-Hoba

СЯТ НОВА

ЛИРИКА

Переводы с армянского,
грузинского, азербайджанского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Вступительная статья
И. ГРИШАШВИЛИ

Оформление художника
Г. КРАВЦОВА

САЯТ-НОВА

Более двух столетий отделяют эпоху Саят-Новы от нашей действительности, но высокие гуманистические идеи, которыми пронизана лирика этого великого ашуга, делают его нашим современником.

Саят-Нова!

Двести с лишним лет это имя с благоговением, любовью и уважением произносят и армяне, и грузины, и азербайджанцы, ибо оно является синонимом дружбы, знаменем интернационализма и братства между народами Закавказья. Песни Саят-Новы, «победоносно шествующие из тьмы веков», стали достоянием широких масс читателей, и 250-летие со дня рождения поэта отмечается в 1963 году по решению Всемирного Совета Мира как дата огромного интернационального значения.

Поэзия Саят-Новы неразрывно связана с историческими судьбами народов Закавказья. В ней выразились страдания и вековые чаяния армянского, грузинского и азербайджанского народов. Саят-Нова одинаково любим всеми народами Закавказья, ибо он создавал и пел свои бессмертные песни на

армянском, грузинском, азербайджанском и даже на персидском языках, и всеми этими языками владел в совершенстве.

XVII и XVIII века были одним из самых тяжелых периодов в истории народов Закавказья. Многовековая борьба между Ираном и Турцией за господство на Ближнем Востоке втягивала в свою орбиту и Кавказ, часто превращавшийся в арену кровопролитных сражений. Чтобы иметь надежный фланг, каждая из воюющих стран, прежде чем вступить в решающее сражение, пыталась подчинить своему влиянию Кавказ, который, однако, все явственнее стремился к сближению со своим могущественным северным соседом — Россией, а это никак не устраивало ни Турцию, ни Иран.

Карталиния и Кахетия решительно противодействовали коварной захватнической политике Ирана и Турции, в результате чего обе подверглись разорению и опустошению. В ту пору Армения и некоторые провинции Азербайджана уже были лишены независимости и находились под пятой иноземных поработителей, однако симпатии их лучших сынов были на стороне тех, кто оказывал отчаянное сопротивление захватчикам — шаху Аббасу I, шаху Тамазу и другим.

Именно в эту тяжелую эпоху расцвела поэзия ашугов.

Ашугом назывался тот, что сочинял и сам же исполнял свои произведения, аккомпанируя себе на чиянури, тари, каманче, ствири, бубне и других народных инструментах. Коротче говоря, ашуг — это поэт-импровизатор.

В XVII и XVIII веках ашуги в Закавказье пользовались большим почетом. Без них не обходился ни один пир, ни один праздник, и за пиршественным столом они занимали почетное место. Было бы ошибочно думать, что песни ашугов служили только для увеселения знати и богачей. Вовсе нет! Ашуги принимали непосредственное участие в походах

царя Ираклия II против иноземных захватчиков. Сам Саят-Нова участвовал в них и шел в первых рядах воинов царя.

Целая плеяда ашугов подняла средневековую поэзию на высшую ступень своего развития. Среди них выдающееся место занимал в XVII столетии Стефаноз, а потом Достия, которого Саят-Нова часто вспоминает в своих армянских стихах.

Саят-Нова первый показал, какая великая сила таится в голосе народного певца, который своими песнями обязан неустанно воспитывать в народе лучшие чувства.

Пользуясь своей независимостью, ашуги смело говорили о своеволии богачей и страданиях простого народа, страстно обличали зло и порок.

«Я простолюдин, а не князь, другого званья не хочу!» — с гордостью говорит в одном из своих стихотворений Саят-Нова. В другом стихотворении он называет себя «службой народа» и в то же время повелителем, приподнимающим завесу над теневыми сторонами жизни.

Саят-Нова был первым ашугом, выразившим в своей поэзии настроения, чувства и переживания городских низов. Это и было то специфически новое, что утвердил Саят-Нова в литературе народов Закавказья и, в частности, в грузинской литературе.

Наиболее распространенной формой стиха в поэзии ашугов считалось мухамбази. Поэтическая строфа мухамбази состоит из пяти строк: первые четыре строки рифмуются друг с другом, а пятая рифмуется с каждой пятой строкой последующих строф. Форма мухамбази впервые была введена в грузинскую литературу Саят-Новой.

В те времена в селах и городах ашуги часто состязались между собой в искусстве поэтической импровизации. Состязания эти проходили чрезвычайно интересно. Один ашуг пел,

аккомпанируя себе на своем инструменте, и в песне задавал противнику какой-нибудь вопрос, а тот отвечал ему так же песней. Когда ашуг был уже не в состоянии задать вопрос или ответить на него, он считался побежденным.

В этих поэтических ристалищах Саят-Нова был непобедим.

Существует предание о том, как один выдающийся персидский ашуг, до которого дошла молва о непревзойденном искусстве Саят-Новы, специально прибыл в Тбилиси, чтобы помериться с ним своим талантом. В одном из восточных кварталов Тбилиси, близ серных бань, он остановил незнакомого человека, оказавшегося Саят-Новой, и спросил:

— Не скажете ли, любезный друг, где я могу видеть Саят-Нову?

Саят-Нова, должно быть, догадался, что это чужеземный ашуг, который приехал состязаться с ним, и ответил ему так:

— Биль-манам! Гиор-манам! Тан-манам!

Эти азербайджанские слова имели, в зависимости от расстановки ударений, два противоположных значения: «Не знаю, не видел, не знаком» и «Догадайся, это — я сам, смотри на меня, узнай меня».

Персидский ашуг не разобрался в тонкой игре слов и, когда потом ему представили Саят-Нову, пришел в полное замешательство.

Величайший представитель поэзии ашугов Саят-Нова (псевдоним Арутина Саядяна) родился в 1712 году в Тифлисе в семье армянина-ремесленника, выходца из Халеба (Алеппо). Обосновавшись в Тбилиси, отец его женился на армянке из района Авлабар. Вскоре у них родился сын. Вот и все, что мы знаем о семье Саят-Новы.

Маленького Арутина родители определили учеником к ткачу. Одновременно он стал изучать грузинскую грамоту у монахов в одной из монастырских церквей.

Мальчик обнаружил трезвый ум, легко осваивал ремесло и вникал во все подробности дела. Он обладал большими способностями, был любознателен и наблюдателен. Сохранилось предание, будто он усовершенствовал ткацкий станок. Но мальчик все-таки не стал ткачом. В свободные от работы часы он учился играть на каманче и чонгури или убегал слушать народных певцов. Увлечение это было настолько сильным, что вскоре он сам стал выступать с песнями и импровизациями. В семье ашугов появилось новое имя — Саят-Нова.

Саят-Нова до последней минуты жизни считал своим главным призванием служение народу. Он решительно отвергал все, что противоречило его моральному кодексу. В одной из его песен есть такие строки:

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестьем дань я не хочу!

Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.

Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.

И сколько б ни твердили мне: «Двуличным стань!» — я не хочу.

Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

(Перевод В. Потаповой.)

Известный литературовед и общественный деятель З. Чичинадзе писал: «Саят-Нова сочинил стихотворение о крепостничестве, и оно распространилось по всей Грузии. Многие князья сочли это за обиду и пожаловались царю Ираклию II, прося его запретить Саят-Нове писать. Однако царь Ираклий оставил их просьбу без внимания».

В приписке к одному из своих стихотворений Саят-Нова отмечает, что он «с отрочества до тридцати лет с рвением и

старанием изучал всякие песни и овладевал мастерством игры на чиянури, чонгури и амбре, а ныне хочет слагать песни на армянском языке».

В 1795 году, когда распространились слухи о готовившемся наступлении Ага-Магомет-хана на Тбилиси, Саят-Нова отправил своих детей на Северный Кавказ. Старший сын его Меликсед захватил с собой тетрадь со стихами отца. Только в 1850 году внук Саят-Новы Серапион привез эту тетрадь в Тбилиси. В ней содержатся сто четырнадцать азербайджанских и сорок шесть армянских стихов. Армянские стихи написаны в грузинской транскрипции самим Саят-Новой.

Поэт Я. Полонский посвятил этой тетради взволнованные строки. Он с болью в сердце писал в 1851 году в газете «Кавказ» о том, что если бы судьба не сберегла эту маленькую тетрадь, то навсегда исчезло бы из нашей памяти имя Саят-Новы.

Многие страницы этой тетради не сохранились. На полях одной из страниц мы читаем приписку переписчика на грузинском языке: «Все эти песни сказаны Саят-Новой, и прошу читателей помянуть добром сказителя этих песен и переписчика их Иоанна Пантелашвили, закончившего сей труд 1 мая 1765 года». Слова переписчика грузинских стихов Саят-Новы подтверждает издатель его армянских стихов Г. Ахвердян. Он писал, что, кроме армяно-азербайджанских стихов, Саят-Нова имеет очень много грузинских стихов, которые до нас не дошли, но некоторые из них живут в народе и передаются из уст в уста.

Сохранилась еще одна рукописная тетрадь грузинских стихов Саят-Новы. Ее сберег царевич Теймураз, внук Ираклия II. Она хранилась в Петербурге. На первой странице этой тетради написано: «Эта книга принадлежит внуку царя Грузии Теймуразу. Эти стихи переписал сын Саят-Новы

в них они находили свои мысли и чувства, свои радости и печали.

Слава о Саят-Нове распространилась быстро, и он стал общим любимцем тбилисских ремесленников. Позже он занимает должность придворного ашуга-сазандара. Сам Саят-Нова так рекомендует себя читателям: «Я сазандар грузинского царя, по имени Арутин, прозванный Саят-Новой».

Исключительную благосклонность проявлял Ираклий II к поэту, и Саят-Нова посвятил Ираклию II много проникновенных лирических стихов. Правда, на них есть некоторый налет традиционных восхвалений, но поэт-патриот искренне восхищался его большим государственным умом, его полководческим талантом. Саят-Нова называет Ираклия «душой и сердцем Грузии», «духовным отцом», стоящим с обнаженным мечом в руке на страже мирного труда своих подданных.

Мы не знаем, как долго оставался Саят-Нова придворным певцом, но в 1765 году его уже нет при царском дворе. Повидимому, он стал жертвой клеветы, которая навлекла на него царский гнев. Это было делом рук князей, которые не могли смириться с тем, что представитель «низших» слоев населения стал любимцем помазанника божья из династии Багратидов.

Очень тяжело переживает поэт свою опалу. В новых стихах он уже не называет себя «сазандаром грузинского царя». Оклеветанный поэт, отвергнутый Ираклием, сразу понял, что враги свели с ним старые счеты. Он яростно бичует клеветников, но в его сердце нет злобы.

Злобным быть, как иной, не хочу совсем!
Пышной жизни мирской не хочу совсем!
Мстить вам речью дурной не хочу совсем!
Изменить? — я ведь твой — не хочу совсем!

(Перевод К. Липскерова.)

Саят-Нова обращается с жалобой к самому Ираклию и просит у него справедливости. Но Ираклий, видимо, не внял словам Саят-Новы, и враги ашуга торжествовали. Саят-Нова замыкается в своем горе.

«Я не выдержу этой скорби!» — вырывается у поэта. Он чувствует себя на той грани, когда человек теряет веру в благородство человеческой души. Поэт иронически поучает себя:

Царил султаном я — дани утратил.
Торговцем плавал я — ткани утратил.
Тебя — блеск утренней рани — утратил.

И далее:

Но твой срок миновал, о, Саят-Нова!
Что твой стон: пропал, о, Саят-Нова!
Враг твой возликовал, о, Саят-Нова!

(Перевод К. Липскерова.)

Надо отметить, что в поэзии Саят-Новы мотивы одиночества, печали и самоотречения имели глубокий социальный смысл. Они были обусловлены не столько личными невзгодами, сколько положением того общественного слоя, к которому принадлежал сам поэт. Он гневно осуждает феодальное общество, выражает протест против его пороков.

В это время поэта постигает большое горе — умирает его жена, и, обреченный на полное одиночество, Саят-Нова решает на роковой шаг: он уходит в монастырь и живет затворником в сырых стенах Ахпатской обители.

Это было в 1770 году. Саят-Нова попал в совсем чуждую ему монастырскую среду. И разве мог поэт, столь любящий земные радости, навсегда погрузиться в мир религиозно-мистических размышлений? Вот какое ценное свидетельство находим мы в повести Иоанна Багратиони «Калмасоба». Ге-

рой этой повести иподиакон Иоанн Хелашвили посетил Ахпатский монастырь, и вдруг его слух поразили ашугские песни. Иподиакон узнал, что это Саят-Нова. Ашуг-монах наигрывал на чонгури и напевал им же сложенные мухамбази, в которых с горькой иронией высмеивал самого себя, свое положение:

Пропащая головушка! Доколе
Посмешищем служить в мирской юдоли?
Куда ни сунусь — расшибусь до боли.
Достоин я глумленья поневоле.
Кого винить мне в этом,— не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

(Перевод В. Потаповой.)

Изумленный иподиакон спрашивает Саят-Нову, как он ухитряется в монастырской обители играть на чонгури и петь мирские песни? Саят-Нова отвечает, что, когда его посвящали в монахи, случайно за пазухой у него оказались струны от чонгури. И это дает ему право не отказываться от игры на освященных струнах.

Этот эпизод еще более убеждает в том, что Саят-Нова не мирился со своим положением монаха, что в его груди продолжало биться пылкое сердце ашуга. Все это вызывало у высшего духовенства негодование и озлобленность.

Чуждый церковно-догматическому мышлению, чуждый клерикализму, Саят-Нова очень скоро раскаялся в своем роковом шаге. С горечью он писал:

Был голубем, а стал я перепелкой!
Был рисом я, а стал овсом,— что толку?
Обет я дал, стал чернецом,— что толку? —
Благодаря моей несчастной доле.

(Перевод В. Потаповой.)

Не желая оставаться в монастыре, поэт обращается к своему бывшему покровителю с просьбой «взять Саят-Нову обратно к себе». Но уйти из монастыря не так-то просто. В ту эпоху армянское духовенство пользовалось большим влиянием. Вряд ли оно простило бы Саят-Нове нарушение церковных правил. О каждом шаге ашуга, ставшего монахом, церковники доносили католикосу.

В бытность свою монахом, Саят-Нова, как уже отмечалось, продолжал создавать стихи и песни. По сохранившимся преданиям, поэт тайно покидал монастырские своды и приезжал в Тбилиси, где пел свои песни. Иногда ему удавалось даже в монастыре собирать духовных лиц, и он очаровывал их своим чудесным задушевым голосом.

Первый издатель его стихов Г. Ахвердян передает один весьма любопытный факт: однажды, будучи в Ахпате, Саят-Нова узнал о том, что в Тбилиси прибыл из Ирана прославленный ашуг, который бросил вызов всем местным ашугам. Зная, что пришелец известен у себя на родине как сильнейший из ашугов, Саят-Нова тайно покинул Ахпат и, несмотря на сильный снегопад и метель, отправился в Тбилиси, чтобы участвовать в состязании ашугов. Узнав о «бегстве» монаха, служители монастыря бросились за ним в погоню. Когда они настигли Саят-Нову, тот уже одержал победу в состязании с чужеземным ашугом.

Видимо, католикос Гукас не решался наказать монаха-ослушника и хотел сначала заручиться поддержкой Ираклия, но царь заступился за своего бывшего сазандара. Более того, по настоянию грузинского царя католикос возвел Саят-Нову в сан епископа Ахпатской епархии, которой были подчинены все армянские церкви Карталинии и Кахетии. Это вызвало бурю негодования среди клерикалов. Сколько волнений и горя пришлось пережить прославленному поэту! Его пресле-

довали, намеревались лишить сана, не раз проклинали с амвона.

В 1795 году, когда в Тбилиси стало известно о грозящем городу нашествии полчищ Ага-Магомет-хана, престарелый ашуг обосновался в армянской кафедральной церкви св. Георгия.

Вскоре Тбилиси оказался во власти персидских захватчиков. Враги бесчинствовали и уничтожали все вокруг, грабили и убивали население. Саят-Нову они схватили в церкви с другими молящимися. Старого ашуга вывели из храма и потребовали, чтобы он отрекся от своей веры.

Саят-Нова ответил насильникам азербайджанскими стихами:

Чих-манам клисадан,
Дон-манам исадан!
(Не изменю своему богу,
Не покину я храм святой!)

После этого восьмидесятитрехлетний старец там же, на пороге храма, был обезглавлен врагами.

Саят-Нова отразил в песнях и стихах самые характерные черты своей эпохи.

Великий поэт-гуманист, раздумывая о судьбах человека, его положении в жизни, большое место уделял в своих творениях социальным вопросам, воспевал добро и осуждал зло, противопоставлял просвещение невежеству.

Саят-Нова воспел дружбу народов, которой он всегда дорожил и которую очень высоко ставил. Его творчество сыграло важную роль в борьбе народов Закавказья против иноземных захватчиков.

Звучность, музыкальность, яркая образность стихов Саят-Новы не только привлекали слушателей, но и прокладывали путь к сердцу простого люда. Как отметил грузинский историк Платон Иоселиани, они написаны простым разговорным языком. Песни Саят-Новы были доступны и понятны всем его современникам. Созданные для тбилисских ремесленников, для простого люда, они распевались и в высшем обществе, ибо покоряли своей музыкальностью.

Радостным мироощущением, полнотой восприятия жизни и вместе с тем глубокой горечью проникнута поэзия Саят-Новы. Сам выходец из простого народа, он никогда не оставался равнодушным к тяжелой доле простых людей.

Саят-Нова выступил новатором стиха. Он, по словам Валерия Брюсова, «...воспринял манеру своих предшественников, но придал ей чекан совершенства, и вдруг стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается в той песне ашуга, к которой многие относились слишком поверхностно». Брюсов указывает на присущие песням Саят-Новы ассонансы, аллитерации, повторные и внутренние рифмы и далее пишет: «...он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общеупотребительных размерах». У «Саят-Новы все оживлено и одухотворено силой подлинного поэтического гения».

Саят-Нова первый ввел песенное творчество ашуга Кавказа в русло национального развития, и это сыграло важную роль в развитии и сближении национальных культур народов Закавказья.

Певец любви и радости, Саят-Нова воспевал лучшие свойства человека — искренность и смелость, ум и высокую мораль.

Саят-Нова справедливо признан непревзойденным певцом любви. Без любви поэт не мыслит жизни; он вкладывает в это понятие самые благородные, самые возвышенные человеческие чувства. Жизнеутверждающая поэзия Саят-Новы говорит о его страстной влюбленности в жизнь, о богатстве его души, о красоте окружающего его мира. Поэт не просто любит красоту. Своим творчеством он утверждает прекрасное, активно борется против зла, невежества и социальной несправедливости.

Это небольшое вступительное слово о жизни и творчестве Саят-Новы хочется закончить меткими словами Валерия Брюсова: «...величественный, многообразный, по-тютчевски чуткий и как Мюссе страстный, один из тех первоклассных поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества».

Иосиф Гришашвили

П Е Р Е В О Д Ы
С А Р М Я Н С К О Г О

* * *

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слезы ты лила,
На щечке родинка мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

О мне заплачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Март 1752

* * *

Ты, безумное сердце, мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;

Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу сберегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1 мая 1753

* * *

Твой силен ум: таким рожден,— себя глупцу равнять
зачем?

Меня за свой вчерашний сон презрительно считать
зачем?

Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! Ведь ты сильна, как тот Ростом, сын Зала,
дочь царя!

Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь
царя!

Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь
царя!

Но господа побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сгоряча, судиться все ж не может он.

Кто сердцем светел, как свеча, молву людей
отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать
зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус
ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов
моих!
Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ
моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать
зачем?

Бьет ветер морской, песок гоня: песка не меньше
будет всё ж!
Живу ль, не станет ли меня,— толпу напев разбудит
всё ж!
Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет всё ж!
В Абаш, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылатъ
зачем?

* * *

Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или
струна.

Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах — и жемчуг и рубин. Твоя завидна белизна.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

.
На полюбившего сильней пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня
услад.

От страсти занедужил я, лежу, и жизни сам не рад.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел, но от Лейлы ни
слова нет.

Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.

Клянусь, одна ты яр моя, и друга мне иного нет.

Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум! Кровь вытекает со слезой,
Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь
свой.

Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

1 марта 1754

* * *

Друг, ты попал в сети любви,— песенный дар я для
тебя.

Колких репьев не собирай,— мак, сусамбар я для
тебя.

Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для
тебя.

Смерти твоей я не хочу, персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись,— розы своей не
обездоль,

Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня, помня
хлеб-соль,

Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой
столь,

Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индостан не улетай, что тебе ткань, бархат,
атлас?

Все, чего ждешь, здесь ты найдешь,— шелка пожар я
для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя
жертвою стать.
Будем с тобой весело жить, нам с соловьем грусть
не под стать.

Пусть говорят всё, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг,
Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой,— сладостный тар
я для тебя.

1 апреля 1754

* * *

Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой
гусляр блажен.
Не хочет есть, не хочет пить, — с тобой сидя, яр
блажен.
Алешь розой, вокруг тебя обвившись, сусамбар
блажен.
В слезах бюльбюль и день и ночь. Твоих шипов
удар блажен.

Ты благовоньем наполнишь мир. В индийских
взросшая лесах,
Так не могла б благоухать гвоздика у тебя в устах.
Ты в украшениях день и ночь, и держишь ты цветок
в руках,
К губам подносишь. Глаз твоих под скромной бровью
жар блажен.

Сколь многим смерть через тебя! Они томятся
всякий час.
Вздыхает, кто не зрел тебя,— вздохнет, узрев, сто
тысяч раз.
В тебя родится сын — готов пеленок золотых запас.
Иль мать вторично дочь родит — в тебя. Подобный
дар блажен.

Один портрет твой в Арабстан, другой же
в Индостан попал,
Один портрет твой в Крым попал, другой же
в Дагестан попал,
Один портрет твой в Рим попал, другой же
в Прангистан попал.
Тебя увидя, скажет всяк: твой образ, полный чар,
блажен!

Давай садись, Саят-Нова, и молви сладостно свой
сказ.
Не предавайся звукам весь, в томленье дум откинь
свой саз.
Хрусталь в руках твоих. Налей! Две чаши выпьем
мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар
блажен.

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжешь, не лечишь ты рану, горит — хоть
плачь,
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне.
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне.

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить.
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
Ты вложила мне в рану палючий знак,
Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне!

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет.
Не гаси своей жизни неяркий свет,—
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный
зной —
Дай иного, иного лекарства мне.

Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад —
Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты
один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

3 сентября 1756

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь —
отсюда, отсюда?

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда,
отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда,
отсюда?

5 апреля 1757

* * *

Жив доколь я, джан,— милой в жертву дан. Как
избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран,— ты лишь
здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» — и, любовью пьян, вижу
стройный стан.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, всё любви
игра!
Близко от ворот до озерных вод,— рог трубит
с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет,— всем гулять пора.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли
рос.
В рифму запоем! С ярым лепестком мак цветы вознес,
А в саду немом — роза с соловьем; лилии — меж роз.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! Прядь волос легла, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад,— жертвы не
падают.
Только выйди в сад! Режь,— Саят-Нова будет
только рад.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

2 мая 1757

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутомимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я.
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты, в гордыне,—
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу, помогите, други,
Грудь — сад, а брови что дуги,

Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы,—
Горю любовью, сгорая, сгорая.

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце?
Жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой
черед — она!
Я слег, но взор мой каждый час опять к себе
влечет — она!
Мне надо умереть, ко мне — ах! — лишь тогда
придет она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месьть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его — ах! — не найдет она!
Мак, ярко-красный, дал совет: «Скиталец-соловей
влюблен.
И верно, вспомнит про букет, что базиликой
оплетен,

Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот — изгородь, ах, соловей! твой бедный труп
несет она.

Сладки, сладки твои слова! Язык твой сахар и набат.
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый
виноград.

Семь дней твердил я, ты ж, резва, семь платьев
мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней? —
ждет она!

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет сплеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех,
звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, — в беде, пришла, не отойдет она!

Июнь 1758

* * *

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заранее ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черед.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит, тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой, тоскуя встретит
смертный час.
А ты, как редкостный товар, открыта взору в год
лишь раз.
Твой господин сполна блажен, есть пища у него
для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет, каким он рвением ни
согрет.

Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет, сладчайший для
гортани, ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварной яр, кто верить мог в твои
слова.

Скажи: владеющий тобой, боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих
зданий ты.

6 сентября 1758

* * *

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам
твоим.

Благоуханьем залит мир, нежнее, чем бальзам, твоим,
Позолоченный Асмавур не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной,— и где предел лучам твоим?

В поток любви твоей войдет не всякий, он — глубокий,
залум.

Он тридцать перейдет мостов, а всё пред ним
поток, залум.

От стрел-бровей, от стрел-ресниц я вовсе изнемог,
залум.

Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам
твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник, а лик твой
на букет похож,

Ты всех цветов, но цвета нет, чтоб был на вдовый
цвет похож.

Горит алмаз во рту змеи,— он на тебя, мой свет,
похож.

Ты освещаешь без огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветишь, твой привет — приветствие владык,
точь-в-точь.

Пергамент — руки у тебя, и жар-перо — язык,
точь-в-точь.

Как знамя золотой парчи, ты вьешься каждый миг,
точь-в-точь.

И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам
твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.

Язык твой сладок, речь сладка, в устах — камня
ярче дня.

И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам
твоим.

9 октября 1758

* * *

Чужбина — мука соловья: год сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: так раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам, — сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой
описать?
Как бровь изобразить сурьмой? И золота тут мало
взять!
И только стан прекрасный твой овалу плеч твоих
под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал: но славить
красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру
и мускат!

Не может, кто тебя встречал, представить лучший
миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск: хрустальных спиц
он снова ждет.

Нет, я не полюблю другой! Сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи
струна!

Сам царь иль врач Лохман со мной, а мне поется:
«Где она?»

Им раны не понять моей: она клинка стального ждет!

Красавица! В тоске души один брожу, сожжен тобой!
Красавица! О, не спеши! Дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! Мир чей, реши: сужу, что отнят он —
тобой!

Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

* * *

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов, когда врагом стал
каждый друг?
Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне
досуг!..
Господь свидетель — тяжело мне, и вон все валится
из рук.
Ты — море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет очей!

Уста раскрою, но они как описать тебя могли б?
Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб,
Семь лет я с сазом проброжу, как некогда бродил
Кариб,
Ты мой кумир, ты Шах-санам, и нет другой, о свет
очей!

Будь у меня сто тысяч бед, не дрогнет сердце им
в ответ.
Ты — повелительница, ты, и мне иного шаха — нет,
Саят-Нова сказал: «Увы не страшно мне покинуть
свет,
Но ты,— ты, косы распустив, плачь надо мной, о свет
очей!»

* * *

Ты ярче сбриуи золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках,
красавица.

Хвалить тебя — конца не знать, всего не перечестъ
добра:
Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из
серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах,
красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин
вереница ты.
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;

Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,

Возможно дорогой наряд заткать жемчужною волной,
Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем

и луной, —

Ты превосходишь всё, что есть в земных краях,
красавица.

Тебя одел небесный снег, ты пахнешь как весна,

мой друг,

Кто сядет рядом, — опален, ты так чудес полна, мой
друг,

Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?

Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

* * *

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная.
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчовая,
нежная.

Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба
купить тебя.

Не пожалеет, кто найдет, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить
тебя;

Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая,
нежная.

Лицо твое, сказал бы перс, второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты как Раш, а сев — затмишь блеск попугая,
нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть
дом.
Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать
твоим?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

* * *

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векил, о всей округе плачу,
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет
властелин?
Когда бы врач Лохман воскрес, помог бы мне лишь
он один.
На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.
Разлив унес мое бревно — по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!
Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.
Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости
завет.

Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян
след.

Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан.
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.

1758

* * *

Угодливо, народный раб, служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай,
Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести, — от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямляй,
Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело всё: чти жития людей святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова!

Там — радость свадьбы, там — печаль, там — пир
и песнопенье — там.
Там двое любящих в саду, в церквах богослуженье
там;
Коль волю духа ты творишь, не может быть и тленья
там;
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах
двоишься ты.
Кто раз взглянул — безумным стал, к безумцу не
склонишься ты.
Источник мук, и красота, и лакомство меджлиса ты,
Оно — на час, ты — навсегда, зачем напрасно
злишься ты?

У слов твоих шербета вкус, но жгут, как будто зной
в тебе,
Как конь-огонь, ты вся в лучах, и все же блеск иной
в тебе,
Жемчужный ток и перламутр! Небесный свет
весной — в тебе!
Златая дверь! Двойным замком из серебра
хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день задул
уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул
уже.

В руке — вода, в руке — и кровь, палач свой горн
раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр.
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья нет»,
Кто приглашал — ушел ни с чем. Душе —
отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь, коль с каманчой
сдружишься ты.

* * *

Рисунок лучших мастеров — в малейшей части у тебя.
Прелестна родинка. Не прядь — силок для страсти
у тебя.

Ты — роза, ты — и соловей, обоих сласть и у тебя.
И — проба золота — уста, душистей масти у тебя.

Лицо круглее что ни день — подобье молодой луны.
Без влаги вьются волоса, не скручены, не сплетены,
И все, кто раз увидит их, с прямой дороги сведены.
В меджлис войдешь ли — шорох, шум, — и все во
власти у тебя.

Приходят лик твой увидеть за городами города.
Спасенье тем, кто чует смерть в твоём бальзаме
навсегда.

Как пери, с места привстаешь, скользишь стопами
без следа.

Что каманча, когда звончей громки запястий у тебя?

Фиалок, лилий, роз цветник у нежной на груди
возрос.
Что твоему владыке сад, когда ты вся — дыханье роз?
Гуллет ветер меж цветов, он полнит парус из волос.
Мир — море, ты на нем — корабль, трепещут снасти
у тебя.

Кто мог бы восхвалить тебя — ни одного не назову.
По глади моря голубой плывешь фиалкой наяву.
Нет сил бороться мне. Волна пусть унесет Саят-Нову!
Кто зрел тебя, с ума сойдет: для всех напасти у тебя.

Март 1759

* * *

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал
не мил.

Кто взглянет, ранен. Язвы жар, что душу жжет, мне
стал не мил.

Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал
не мил.

Нельзя резвиться каждый день. Забав черед мне
стал не мил.

Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечет?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почет.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речет.
Хочу бюльбюлем улететь, мой сад и тот мне стал
не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи
проживешь.

В руках господних, человек, легко придешь ты и
уйдешь.

Но эта правда не для всех, людьми овладевает ложь.
Им — двадцати — не взять раба! Весь рой господ мне
стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и
весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал
не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.
Над розой плачу, как бюльбюль, — шипы растут
превыше мер.
Раскрыться розам не дают, — их сбор и счет мне стал
не мил.

Апрель 1759

* * *

Из всех людьми хваленных лир полней звучишь ты,
каманча!

Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты,
каманча!

Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты,
каманча!

Тебя не уступлю я: мне принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на *голове* — алмаз;
Рука — слоновой кости будь, на *чреве* — перламутр,
что глаз;

Струна — из злата свита будь, резьбой пленяй,
железо, нас;

Ты — бриллиант и лал! И суд — всех посрамишь ты,
каманча.

Смычок быть должен золочен, чтоб пышно он
блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого
коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь
всю ночь, до дня.
Ты — золотой сосуд с вином, и всех пьянишь ты,
каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет, — вновь пир горой, ты — празднеств
и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя, их всех манишь ты,
каманча!

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров
больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит
с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит дни нас пленявшего
игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

* * *

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай.
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла,
знай.
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь спалила,
знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно.
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной
оно.
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила,
знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!

Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях, меня пучина скрыла,
знай.

Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз струится
вновь.

Как тучи на море лежат, так жаждет грудь упиться
вновь.

Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться
вновь?

Так истекаю кровью я, ах! я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас: «Ты гибнешь, ах!
Саят-Нова!

Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!

Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!»

Вся жизнь прошла, как сон, плодов лоза не подарила,
знай!

* * *

Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не
в ладах?

И пьяницу спрошу потом: ужель с лозой ты не
в ладах?

Вины моей нет никакой, гляжу с тоской — ты не
в ладах.

Все беды мне, я терпелив всегда с тобой, — ты не
в ладах.

Разлуку трудно перенести. Идут лета? — не знаю сам.
Подавлен ум, заморожен. Где красота? — не знаю сам.
Путь караванам к нам закрыт — давно ли так? — не
знаю сам.

Как сборщик пошлин, говорю: с пустой сумой ты не
в ладах.

Любовь уже совсем слаба, порвать ту нить все хочет яр,
Как мальчиком руководить, меня учить все хочет яр,

Зла не поняв, ножом, шутя, сердце пронзить все
 хочет яр,
Мне жизнь не в жизнь, красавица, коль с прямой
 ты не в ладах.

Немало мудрых книг прочел и притчи изучил сполна.
Но сердцу вновь улады нет: меня несет любви волна.
Свидетель бог, пусть и врагу такая участь не дана.
Убита лань. Я говорю: знать, с той стрелой ты не
в ладах.

Пришла весна во всей красе, петь соловью пора уже,
Саят-Нова один в слезах, его тоска стара уже:
Коль ты теперь без свиты хан — с своей судьбой ты
не в ладах.

* * *

Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?
Коль все кругом черным-черно, нам маков ждать
к чему теперь?

Коль смерти ты ему желал, плач соблюдать к чему
теперь?
Для савана лишь цвет один, зря украшать к чему
теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не жалея.
Цвет цветцу рознь, числа им нет, один богаче, тот
бедней.

Иного наряди в атлас, ничуть не станет он видней.
Коль черен ты, уж родинки тебе желать к чему
теперь?

Кто справедлив и чист в делах, я лишь того готов
ценить.

И мудрецам не удалось нам до конца мир объяснить.

Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав, —
его ль пронзить?
Нам ничего не взять с собой, тлен собирать к чему
теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех
сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день, мощней,
Когда б не так, то Орну нам благословлять к чему
теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделен,
Увидят — стар, помят армяк, не спросят: гость?
Откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней
лишен,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему
теперь?

* * *

Красива очень шахатан,— певца не опорочишь ты.
Ты еле разжигаешь страсть, напрасно сердце точишь
ты.

У страсти пламя таково: не догорит и не пройдет.
Бросаться в море проку нет,— пускай прохлады
хочешь ты!

Так как же молнию, скажи, ашугу выносить твою?
Ты самодержец, назначай и цену, стало быть, твою.

Когда с горой столкнешься в лоб, она растает, как
свеча,
А в городе — там знают все к уничтоженью прыть
твою.

Кто шахатан не пел, у тех не торговаться все права,
Поэтому не очень лсти, не кланяйся, Саят-Нова.

* * *

Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого
не узрит.

Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова,
не узрит.

Пусть луч зари, пусть лунный свет над миром вовсе
не горит!

Пусть друг умрет, да лишь твой лоб он без покрова
не узрит.

В потоке слез исходишь ты — в печали смерть и мне
грозит.

Пусть после нас подлунный мир воды и крова
не узрит.

Коль я к тебе не загляну, — снесу немало я обид,
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос
одарит.

Пусть скорбь твою, Саят-Нова, на смерть готовый,
не узрит.

* * *

Склони свой слух, баритавур,
Но с яр моей играть не смей,
Ей сердце поражать не смей,
В ней пламя раздувать не смей.

С весельем спет
На тридцать лет,
Ее ты обижать не смей.

Обидеть бойся пустяком,
Чтоб не ушла от нас тайком.
Со мной играешь ты глазком.

Я — сушь ветвей
В жару страстей, —
Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
Как царский сын, считаешь ты.

Скажи, что затеваешь ты?
То вязь тенет.
Твой рот что мед.
Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
Любовь к тебе язвит меня.
Гранат твой исцелит меня,—
Гранат грудей
И сласть речей;
Дыханье уст палит меня.

Уста твои что лал, краса.
Наряд твой злато-ал, краса.
Я мысль твою узнал, краса?
Прельстить, увлечь? — напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна.
В тебе земной весь шар сполна.
Ты с Инда каламкар сполна,
Насурмлена,—
А я без сна,
Томишь, колдунья, плоть мою.

Кругом, колдунья, сеешь зло.
Ты как ширазское стекло,—

Узор искусство навело.
Ты блеск зеркал,
Алмаз и лал.
Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои,
Ты волосы кропишь свои.
Права осуществишь свои?
Китай дарит
Грудей нефрит.
Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
Обильны косы вдоль плеча.
Наряд твой — золото, парча.
Как нить сучить,
Так слезы лить
Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
Ты бывший в море оселок,
Ты каманча, сантур, гремок,
Хитро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
Ты, как в саду вода, идешь.

Фиалкой без следа идешь.
Всё петь готов,
Хоть нет уж слов!
Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней.
Сунбула плоть твоя нежней.
Ты, нам вино лия, нежней,
Чем наш букет,
Рехана цвет,
Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
Ты не увянешь от лучей,
Ты царь, приветней всех царей.
Приветом глаз
Ответь — не раз,
Не в месяц раз, — по счету дней!

День каждый возрастаешь ты,
Все больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.
Ты врач, — так вот:
Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.

Меня страшит обман, мой свет,—
Ну что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
 На клятве стой —
 Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я,—
Лужок зеленый — грудь твоя.
 Скажу: лужок,
 Я стал далек,
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде уладам быть.
 Узду навлечь,
 А сердце сжечь,
И вечно юным кладом быть.

Ты — клад любви, желаний пир,
Бесценной ценности кумир.

Ты — лал и славный джаваир.
Воспеть спешу,
Пока дышу, —
Затем, что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом вьявь меня.
Согласен я, — расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть моя.

Вот я пришел с мольбой, джанум.
День — пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
Джанум, о джан,
Краса всех стран,
Мир, знание, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай.
Лишь верно клятву соблюдай, —
Мудра в ней суть,
Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,

Рекой ты слезы мчишь свои.
Ты ток реки,
Полна тоски,—
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ятаган,
И перевязки нет для ран.
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
Мне быть в слезах,
В слезах, мой шах,—
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова,
Ты раной стал, Саят-Нова,
Ты садом стал, Саят-Нова,
Ковром царей,— напасть моя!

* * *

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!
Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!
Многоводных глубин жемчуговые дани, о джан!

Выйдешь в сад — и волну вижу в плавности шага,
о джан!
Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!
Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане,
о джан!

Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.
Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.
Ни в индийских краях, ни на прангских коврах
не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.

Тонок стан твой, как нить, что могли бы сквозь
жемчуг вести.

В зной грустим о тебе, как о темном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.

Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.

На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.

Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий, о джан!

* * *

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! Вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех
сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! Что я твой раб,
не скрою я!

Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице
стою я!

Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз, мечусь: причина, дорогая, — ты!

Ты, с пятнышком лица, мила; кто видел, тот пленен
тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу...
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой, вошла на пир,
сверкая, ты!»

* * *

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью,
Ты розу ждешь, я — милую...
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая...
Но ты не плачь! Я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? Что сладостней?
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! И я пою.

Ты розу ждешь, я — милую...
Но ты не плачь! Я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты и я...
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! Не плачь! Я слезы лью».

* * *

С бесценным камнем джаваир своей красою
сходна ты.
Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою
сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатов губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы воспеть зубов алмаз,
Твой цвет лица — пранги атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.

О, не терзай души моей,—
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увы!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

* * *

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряду;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!

Яр моя! Твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мед.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет,
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я вовсе пропаду!

* * *

Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе.

Чтоб сотней бед, входящих в дом, обязан был я лишь себе.

Чтоб всем сказать: своим добром обязан был я лишь себе.

Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! — для всех свой клад сюда принес.

Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд — сюда принес.

Товар индийский, что милей нам всех услад, сюда принес.

С каких станков, каких шелков, какой наряд сюда
принес!
Торгую сам, в труде своем обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран; атлас горит
в нем, как пожар.
Другой мой воз,— бесценный в нем, как бы пергамент,
каламкар.
Еще мой воз,— да весь Китай куплю за этот я товар!
Тут блеск парчи, халаты там. Для женских плеч все
это дар.
Я всё скроил, и вот во всем обязан был я лишь себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там; сюда глядите — тут
шафран.
Корицы воз, гвоздики воз — добыча все далеких стран.
Не мог стянуть края тюков: чрезмерный груз тюкам
был дан.
Со дна морей камня есть,— их мой привез вам
караван.
Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе.

Прослышав то, промолвит люд: «Саят-Нова-то наш —
богач».
Забыв, что мне милей лады, что мне не надо к ним
придач,

Что песен звук ценней всего, что мне ценней он всех
удач,
Что держит смерть затылок мой, об этом лишь мой
горький плач.
Спаси, чтоб, песней теша яр, обязан был я лишь себе!

* * *

Ты — как сирена, что губит плывущих,
Мне на погибель дана, дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою плененный.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен, сантур и зурна, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток, хмельнее вина, дорогая.

Скромнен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар ароматный.

Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят: «Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отрадна и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая».

* * *

Страсть — огонь горящий, — приходя, пылает!
Знак призывный — скажут — яру дан: иду.
Боли той не знавший, пусть не испытает,
Полюбив, не скажет снова: «Джан, иду».

Многим от рожденья въелась в сердце рана:
Редких не любивших поздно или рано
Страсть страдать понудит — силой,
невозбрана:

Извелся, истаял, — где там: «Джан, иду!»

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет,
Чуть поймала, когти показать умеет;
Так — то отступаю, то, как пьян, иду.

Если ты о страсти прихотливой спросишь:
«Ростом-Зал достался ль ей поживой?»
спросишь,

Или, как живется яр игривой, спросишь, —
Скажет: «Как султан я и как хан иду».

У Саят-Новы ли сил взяла ты мало?
Кто ж, неблагодарна, верности не знала
И меня не любит, — к той любовь пропала:
К любящей — любовью осиян, приду.

* * *

Отраден голос твой, и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза как розы цвет раскрытый,

Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне все горе, прелесть.

* * *

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Меджнун с Лейлой отрадней жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой — сахар или медовый сот.
Твой волос — нить рехана, что к розе льнет.
Побудь со мной, как день Цахказард придет
Парчой золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такою тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,

За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.

Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

* * *

Что без тебя сойбат мне и что мне саз?
Гремки из рук роняю — раз, два — подряд.
Смутила так ты мысли мои, мой ум,
Что все забуду песен слова подряд.

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам?
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ли двум садам?
Ведь ждут прививки все дерева подряд.

Старинных мастеров изречение вот:
«Насеял роз — а их недостойный рвет».
Тружусь, а все веселье — чужим пойдет.
Увы, рахипу — дни торжества подряд.

Что без тебя мне счастье, земной удел?
Не знать коварства, подлых не ведать дел.

Надел я власяницу, я шерсть надел,
Пойду в места святыя сперва подряд.

Быть может, добрый кто-нибудь даст совет,
Меня от страсти освободит, мой свет.
И у семи мудрецов слов лучших нет,
Чем у тебя здесь, Саят-Нова,— подряд.

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для
меня!

Наполненный живой водой златой пинджан ты для
меня!

Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан
ты для меня!

Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-
атлас;

Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг
и алмаз;

Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд,
топаз.

Ты — бриллиант! Бесценный лал индийских стран
ты для меня!

Как мне печаль перенести? Иль сердце стало как
утес?

Ах! Я рассудок потерял! В кровь обратились токи
слез!

Ты — новый сад, и в том саду, за тыном
из роскошных роз,

Позволь мне над тобой порхать: краса полян
ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобой
полно:

Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь
тебя оно!

С чем, милая, сравню тебя? Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш из огненных зыбей, степная лань ты для
меня!

Поговори со мной хоть миг, будь милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь
синевы!

Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь
травы:

Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

Я ждал, я пролил столько слез,—
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
 Шипами,
 Шипами,—
Я в добрый час увидел яр!

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
 Ночами,
 Ночами,—
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз.

Тебе к лицу рубин, алмаз —
Рядами,
Рядами,—
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поет.
В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями,—
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан златой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами,—
Я в добрый час увидел яр!

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха,—
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом.

* * *

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной,
краса.
Коль я другую полюблю, я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь, без венца однако, я,
На свет гляжу из мрака я,—
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Саят-Нова пропал один,
Неколкой розой стал, один.
Скажи: «Ты сердце взял один!» —
Обет исполнишь свой, краса.

* * *

Ты — джаваир индийских стран, бесценный лал
 пленительный.
Коснешься — дашь всему красу, златой паргал
 пленительный.
Богач не каждый клад такой себе сыскал
 пленительный.
С тобой ли людям говорить, Ростома-Зал
 пленительный?

Самшит лесов, созрела ты, твой стройный стан
 стругать — зачем?
Тобой блажен твой господин, так на других
 взирать — зачем?
Твой лик — золототканый плат; пером его пятнать —
 зачем?
Бел, зелен, красен сарисар — тобою, ал, пленительный.

Легко ль отречься от тебя, тебя найдя с трудом,
с огнем?

Увидит кто лицо твое — и помрачается умом,
Бесценный яхонт и алмаз, что в джаваирах весь
кругом,

Скандар-Зулхар так талисман нам завещал —
пленительный.

Все время на прогулке ты и розы и фиалки рвешь,
Из уст — хрустальный гулабдан — вод розовых ты
капли льешь,

Перо на царственном венце, нить золотую ты прядешь,
Ловца избегнувший джейран или марал пленительный.

Яр, отойти мне от тебя куда трудней, чем умирать.
От страсти обезумел я, а помощь как себе подать?
Саят-Нова тебе слуга, не больше. Все ж мне не понять,
Чтоб, отвернувшись от него, твой лик сиял,
пленительный.

* * *

Нахмуря взор, насупя бровь, глядишь — твой врач
стал пнем точь-в-точь.

Скажи: что сделал я тебе? Но молвишь — вспыхнешь
злом точь-в-точь.

Кто косо взглянет на тебя, стань сердце камнем
в нем точь-в-точь.

О, смилуйся или убей, расправься, как с рабом
точь-в-точь.

Рабов не держишь у дверей, царь, слуг разящий,
не тая, —

Прими как притчу речь мою, Венера, мглу разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья.

Руби, пока твой рубит меч, — он схожий с сардаром
точь-в-точь.

Яр, ты на путь меня наставь, чтоб твердым стать
я мог душой.

И день и ночь все плачу я, глаза как с гор поток
весной.

Пусть пред тобой лежу и бьюсь, как пришлый
о порог чужой.

Плох,— как Фархаду и Ширин, мне смерть —
пещерный лом точь-в-точь.

Весна дохнет — раскрыт цветок, и розы алой нет алей:
Садовнику что пользы в том, как нежно плачет
соловей?

А с губ твоих стекает мед, промокнет ворот,—
пожалей:

Сладкоречива ты своим, как сахар, языком
точь-в-точь.

По слову виден человек, будь визир шаха пред тобой;
Не станет годным негодяй, будь он векил, назир
судьбой;

Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой;
Саят-Нова, вещай свое ты лучника копьем точь-в-точь.

* * *

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской
опален!

Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой алой опален.
Бюльбюль поет: взгляните вот, я камнем в зной
опален.

Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров, достойных тебя,
Не ткали ни в одной стране платков, достойных тебя.
Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов достойных тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта знак, так хрупки черты твои,

Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои,
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.
Не потому ль Саят-Нова — владелец всех горьких
слез?

Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришлось.

· · · · ·

Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

* * *

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, -- ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, -- ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак, у села, ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забытии был Ростом — недругов тщетна
засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты
скромной»;
Это всё козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Исстари всё ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль
жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток, коль
жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток, коль жизнь
мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток, коль жизнь
мила.

Ютится роза близ воды, прохлада сада для нее,
Зеленый лист и алый цвет — созвучны песне для нее,
Цветы вокруг ковром царей горят под солнцем
для нее,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок, коль жизнь мила.
Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,

Средь всех красивейших цветков лишь розе
предпочтенье дам.
И кто с серпом срезать придет, тому свое презренье
дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток, коль
жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несет
по всем садам.
.
Саят-Нова, пронзив сердца, нам песнь поет по
городам.
О джаваир, небесный лал — мой лепесток, коль
жизнь мила.

* * *

Серебрится серебром,
Золотом она горит,
Огненна моя любовь —
Так влюбленный говорит.

Поцелую нежно яр,
Поцелую честно я.
Если косо посмотрю,
Пусть тогда ослепну я.

Помни, знай мои слова,
Будь любимому верна.
Говоришь ты мне: терпи, —
Иссушила, испекла.

Гость любим, ему почет,
Гостю издавна дано

Много-много разных блюд
И без примеси вино.

В городе сегодня хан,
Сердце скуке не веряй,
Жалобы неси ему,
Соловью ты доверяй.

Жалуешься соловью
На любимую свою.
Сердце ранила она,
Горе выплакать кому?

Соловью — пусть соловей,
А любви — любовь дана.
Кто безумен от любви,
Милая тому нужна.

Волосы твои — ковыль,
Язычок твой — соловей,
А Саят — всегда в слезах,
Нет его судьбины злей.

* * *

Яр, тебе подходит алая тафта,
Обвяжися лентой красно-золотой,
Ножницы злачены в руки ты возьми,
Подровняй нависший локон над щекой.

Ты в саду на радость розой расцвела,
Соловью та роза сердце обожгла.
Над глазами брови — словно два крыла,
Стрел-ресниц лучится вытянутый строй.

Благовоньем сладким мир вокруг залит,
Шелк волос струится, пламенем горит,
Пальцы-свечи длинные, бел локтей самшит,
Ты — камыш и тополь статной красотой.

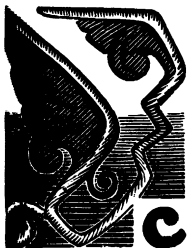
Нет в тебе души, знать, к лиху ты ведешь,
Жар моих страданий лаской не уймешь,

Не приветишь словом, равным не сочтешь,
Знаю, ты — царица, странник я простой.

На плечах ковыль колышется, зовет...
Та любовь, боюсь, что сердце рассечет,
Я умру — к тебе такой уж не придет,
Я — Саят-Нова твой, брошенный судьбой.

П Е Р Е В О Д Ы
С Г Р У З И Н С К О Г О

* * *

Сколько звезда ни свети — в море воды не убавит.
Мерящий ситом Куру — только людей позабавит.
Каменный дом устоит, сколько бы ветер ни дул.
Разве он стену пробьет, разве ее продырявит?

Чашу не крой серебром, если из меди она.
Против серебряной — ей в тысячной доле цена.
Разве стекляшка — алмаз? Разве игра в ней видна,
Если владелец ее в золото даже оправит?

Люди, творящие зло, дьяволу службу несут.
Козни его сокруши, господа праведный суд!
Разве ширазским стеклом тыквенный станет сосуд,
Если на полку его слишком высоко поставят?

Рыба не будет стонать, если вонзят в нее нож.
Хна не пристала ослу: и без того он хорош!
Хлопком не станет песок, хоть в одеяло зашьешь,
А вышивальщица — вязь шелком на нем раскудрявит.

Кто я, и как меня звать? Доблесть моя какова?
Имя мое — Арутин, прозвище — Саят-Нова!
Грамоту я изучил, знаю азы мастерства.
Слово мое загромоздить купол небесный заставит!

* * *

То, что бархат я, что шелк я, что парча,— ты разве
знаешь?

Что как легкий ветер к розе льну, журча,— ты разве
знаешь?

Что тебе пою, на сазе все бренча,— ты разве знаешь?

Что с тобой обручены мы, два луча,— ты разве
знаешь?

Обо всем, о чем бренчу я, бормоча,— ты разве
знаешь?

Как всю землю обошел я, ты, краса, послушай ныне.
Без Лейли, с Медждуном схожий, всюду был я как
в пустыне.

Соловьем искал я розу, но и в найденной долине

Не увидев к ней дороги,— я в отчаянья пучине.

Покажись! Что жжешь мне крылья, как свеча,— ты
разве знаешь?

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
Песни люду и владыкам я певал по разным странам.
Что ж мне делать? Обрекать ли это сердце новым
ранам?
Сын один я у родимой, — бьешь меня ты в гнев
рьяном.
То, что сахар ты метнула в глубь ключа, — ты разве
знаешь?
Дышит осень; не умчаться ль мне за птичьей стаей
тоже?
А покуда расцветешь ты. Иль ко мне ты станешь
строже?
По тебе тоски не зная, жил бы долго я, — ну что же,
Я приду к тебе сегодня в поздний час, но все ж —
о боже! —
Что гостей своих не гонят сгоряча, — ты разве
знаешь?
Я, Саят-Нова, в печали. У меня ведь лука нету.
И меча, чтоб замолчала вместе с жизнью мука, — нету.
И груди твоей гранатов — о, горька разлука! — нету.
Лоб в огне, пылает сердце, слов твоих и звука нету.
Что в хмелю бреду, чуть ноги волоча, — ты разве
знаешь?

* * *

О, приди, я твой, не гляди сурово,—
Неужели я принят за чужого?
Снова солгала, обманула снова:
Я пришел, а ты не сняла засова,—
Задремала, мол, не слыхала зова...

Звонкая струна, розы изваянье,
Лучших мастеров лучшее создание,—
Если ты придешь ночью на свиданье,
«Не засни,— скажу,— выслушай признание!» —
Каждое твое насмерть ранит слово.

Брови ты сурмишь перышком червонным,
Пряжки в дар тебе шлет Гилян с поклоном,
От волос твоих веет кардамоном.
Как ты можешь спать на беду влюбленным?
Милая, не знай сновиденья злого!

Люди говорят — я кармин бесценный,
Скрытый на груди дар любви нетленный.
Нестерпим твой взор — солнце всей вселенной.
Ты — мой свет, а я — отблеск твой мгновенный,
Мерзну я, ищу твоего покрова.

Резвое дитя, ты сулишь мне горе.
Как тебя догнать? Ты — кораблик в море.
Опий ты, гашиш, марево во взоре!
Ты Саят-Нову побеждаешь в споре.
Ты — краса. Я — раб. Ты прийти — готова?

* * *

Милая, давным-давно в сердце мне запала ты, —
Серебра да золота сплавом засверкала ты, —
Улыбнулась: в два ряда жемчуг показала ты.
Солнце мое светлое, искрометней лала ты!
Тень свою на землю всю, стройная, бросала ты.

Покажи мне — яр ли ты? — лик свой на мгновение!
Ветерок измирский ты, вешнее цветение,
Ткань венецианская — мастеров терпение,
Ты в парчу закутана, золотою стала ты.

На тебя гляжу с тоской, плачу всем на диво я, —
Нам бы побеседовать, ты — красноречивая.
Что мне лань и что джейран? Ты резвей,
игривая, —
В степь таких стрелков, как я, увлекла немало ты.

Яр неверной не любить — я клянусь, красавица.

На тебе любой наряд всем на свете нравится.

Красоты прекрасней ты. Как мне с клятвой

справиться?

Сохнет горло, если мне образ твой представится.

Скорбь Саят-Новы с собой в дальний путь

умчала ты.

* * *

В соловьях нет недостатка, полон сад цветов,—
не так ли?
Полон он фиалок нежных, розовых кустов,—
не так ли?
Каждый куст сирени тенью нас укрыть готов,—
не так ли?
Всюду свечи восковые, полон сад ковров,— не так ли?
Все разубрано; канатных много плясунов,—
не так ли?
Не сердись, я притчей много, мудрецам под стать,
имею.
Как отдать тебе сто жизней? Ах, одну я, знать,
имею.
Весь я твой! Иль пред тобою я долги опять имею?
Приходи к нам, о приятном я тебе сказать имею.
Всех позвали,— и с шелками сотни тут купцов,—
не так ли?

Так уж за городом надо: без веселья — невозможно.
Без возвышенных речений восхваленье —
невозможно.

Если ковш мы расплескаем, утоление — невозможно.
И твое от пированья отдаленье — невозможно.
От Лейли принять приятно чашу в ночь пиров, —
не так ли?

Счастье этакой помолвки людям не было знакомо.
Так и шах не веселился, сделав свадьбу для Ростом.
Только из-за неприступной и взяла меня истом,
Из-за бубна и свирелей, из-за звона, из-за грома.
Тут и лютни, тут и цитры, много и певцов, —
не так ли?

Тростниковый стантвой тканью опоясался узорной.
Родинка над ртом жемчужным, как индийский перец
черный.

Яхонт, лал ты, и алмаз ты, жемчуг лучший ты,
отборный.

Не придешь, — так разберет нас суд царевый
непритворный.

Царь Саят-Новы — прекрасней царственных орлов —
Ираклий.

* * *

Говорю с тобой затем я,
Что твой стан я ныне видел.
Светлоликую на ложе
Я, томясь в кручине, видел.

Опишу ль свое мученье!
Погляди хоть на мгновенье!
Я твой дом — благодаренье
Божьей благостыне! — видел.

Ты — огонь! Огня ты строже,
Но сжигать меня за что же?
Поутру тебя я схожей
С солнцем в небе синем видел.

Коль нам нет разлуки боле,
Поиграем в «голи-голи».

Вскроем розу. Я на воле
Лилию в долине видел.

Пал Саят-Нова в поклоне,
Ты ж — луна на небосклоне.
«Сани» я зовусь и «тони».
Перед «ани» «вини» видел.

* * *

Я — твой раб, тебе прислужник никакой не нужен.
Кто, как я, тебя полюбит? Нет, другой не нужен.

Трон индийский ты, покров ты дорогого сорта.
Счастлив спутник твой: как амброй грудь твоя
натерта.

Над тобой должна быть кровля в золоте простерта!
Ты зорка. К тебе подход ведь воровской не нужен.

Ты — фиалка, горный снег в выси поднебесной.
Ты — самшит, твои ресницы лес тенистый, тесный.
Весь июль бюльбюль бюльбюлит песни над
прелестной.

Роза ты, тебе для дружбы червь немой не нужен.

Будем вместе мы на свете годы, не недели.
Мы груди твоей жасмины меж собой разделим.
Быть вдвоем! Об этом только мысляю я уделе!
Верь Саят-Нове: нам свиты шумный рой не нужен.

* * *

Миру твой царственный облик на диво,
Он предстает мне, луну затмевая,
Как на груди твоей белой красива
С древним распятием цепь золотая.

Кто не видал тебя, мучится каждый,
Каждый, увидев, погибнет от жажды,
Если б, отвергнут, я умер однажды —
Горы бы плакали, мне сострадая.

В сердце несу твои тайные муки;
Бьюсь головой о преграды разлуки;
Я не изменник, не требуй поруки, —
Иль не со мной моя честь родовая?

Милая, нами весь мир недоволен:
Бедный Саят-Нова яр подневолен;
Горло мое пересохло, я болен,
Я из-за яр умираю, рыдая.

* * *

Иной, расслабленный, в бессильной брани
Того, кто мощен и высок, бракует,
Ножа заржавленного нет в кармане,
А хорасанский он клинок бракует.

Иной же, горестный, не знает крова,
Хоть ночь нагрянула, бредет он снова,
Гортань и желуди забыть готова,
В саду ж черешневый он сок бракует.

Иной направится на лодке в море,
Узрит лягушку там и крикнет: горе!
Тот — слег у рывины, — помрет он вскоре,
Ростома ж слов его поток — бракует.

Алмазы древние глупцу на что же?
Сыр новосозданный ему дороже,

Кушак — веревочка, да листья — ложе,—
И ткани царственной он прок бракует.

Свинья на дерево залезть не может.
Пусть мрут, чьи печени лишь злоба гложет!
Саят-Нове народ пиры умножит.
Он весел. Злости он порок бракует.

* * *

Твоему суду сердце будет радо,
Ты — пресветлый царь, Грузии услада.
Люди говорят — я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда,—
Мол, не обессудь — высказаться надо.

Неженат живу — где искать привета?
Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

Я царю предстал в чистом облаченье,
Саза моего чуя нетерпенье,—
Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
Прочь меня прогнал царь в ожесточенье:
«Грязный войлок ты, поношение взгляда!»

Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою —
Ты, наставник мой, ты, моя отрада.

Грудь мне сокруши — все равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
Брошусь я в Куру, не в Куру — так в море!
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда — вот твоя награда.

* * *

В сад весенний дверцу милой открою.
Тополь сладок, розан сладок, сад сладок.
Проживем здесь все мы годы с тобою,
Лик твой сладок, месяц сладок, мир сладок.

Эти чаши, это блюдо — все наше!
Струны саза, злаков грудa — все наше!
Эй, садовник, прочь отсюда! Все наше!
Пир наш сладок, взор твой сладок, день сладок.

Нет уж роз тут, уж не манят, алея,
Соловиный льется плач, их жалея.
Но в фиалках лиловее аллея.
Вечер сладок, ответ сладок, ключ сладок.

Тонкий стан твой в плащ облекся багряный.
Кипарис ты, персик нежный и прятный.

Держишь мир ты ручкой властной и рьяной.
Пламень сладок, трепет сладок, май сладок.

Арутин я. Льется звонко рулада.
Сядь! Ковер хорасанский — услада.
Ах, с ограды не кинули б взгляда!
Саз мой сладок, рот твой сладок... я сладок.

* * *

Взорам смертных словно роза рая ты.
Подношу тебя, как яство ценное.
Тополем стоишь, на нас взирая ты...
Нет, не то... вино ты сладкопенное.

Не внимать наветам сердце просится,—
Пусть вокруг милой вьется околесица!
Приходи,— ковром под ножки броситься,
Вот мое стремленье неизменное.

Ах, узрю ль алмаз в золотой оправе я?
Насурмишь ты брови... иль не вправе я
Сравнивать с венцом тебя? В отраве я
Страсти золото ищу нетленное.

Как фазан, я б шел долиной нашею
За тобой, ты б шла с хрустальной чашею.

Ты славна. Тебя ль стихом украшу я?
Сокол я, ты — птаха. Станешь пленною.

Пламя жжет, все жжет меня проворное.
Власти нет, прошу тебя покорно я:
От Саят-Новы отставь упорное
Наказание,— и так отменное.

* * *

Ты — пенная Кура с волной Аракса мутноводной.
Вконец измучен я твоей повадкой сумасбродной.
Похожа ты на златоткань отделки превосходной.
Глаза и брови красотой блистают благородной.
«Но что я дам тебе взамен?» — шепчу в тоске
бесплодной.

Иной на пиршестве вкушать вино и снедь стремится.
Другой за праздничным столом к стихам — заметь —
стремится.
А мой язык тебя одну всегда воспеть стремится.
О том — и сердцу век болеть, к тому и впредь
стремиться!
Кто в розу, как оса, впился? Оставь ее, негодный!

Тебя воспевший — океан чернил, как я, испишет.
Тебя узревший — ничего не ест, не пьет, не дышит.

Других возлюбленных совсем не видит и не слышит.
Как солнце, выглянешь из туч — и мир весельем

пышет,

А без тебя тоскует он, как сирота безродный.

Приди и вслушайся в мои слова, журавль Багдада,
Индийский нежный попугай, чей голос мне отрада.
Тому, кто правду говорит, хоть раз поверить надо:
И для красавицы Ширин опасен враг Фархада!
Беда мне с милою такой строптивой, злой, холодной!

Что делать, если нарды вдруг смешала, мне
в насмешку,

Убила дѡведь, повела вперед простую пешку?
 Без розы соловей поет и плачет вперемежку.
 На свете бед — не перечесть. Ищи свою, не мешкай!
 Страдаешь ты, Саят-Нова, от робости природной.

* * *

Златые пуговицы твои под стать искусному шитью,
Иран, Туран, Азербайджан, цветущий дол в родном
краю!

Ты меч напрасно занесла: обезоружен я стою.
Зачем ты причинила боль рыдающему соловью?
Избранник недостойный спит под колыбельную твою.

Служанками окружена, не медли, — выходи в цветник.
Там на рассвете соловей тебя приветствовать привык.
Осанки царственной твоей не в силах описать язык.
Я славословьем утомлен, — признаюсь в этом

напрямик:
Сто сорок пятистиший сплел и все еще тебя пою!

Луне подобная, зачем в зеркальную глядишься гладь?
Зачем за ножницы взялась, как бы подравнивая
прядь?

А шея стройная — кувшин из хрусталя, ни дать ни
взять!

Казнив беднягу без вины, ты славу думаешь снискать?
Иль достоянием своим считаешь голову мою?

Нигде покоя не найду. Одна лишь смерть — отрада
мне.

Весь мир сложи к моим ногам, — и я скажу: не надо
мне!

Смущенных глаз не отвести от пышного наряда мне,
Любимая, в парче, в шелках прекрасной кажешься
вдвойне.

Я ладонки твоей не крал, — нашел и на груди таю.

Я лживых слов не говорил. Кто на меня поклеп
возвел?

Кто очернил меня? Поверь, он сам коварен был
и зол.

Прелестница, тебя воспеть бессилен бедный мой
глагол.

К чему стремлюсь? Не про меня Моголов золотой
престол.

Зачем же я, Саят-Нова, в напрасной скорби слезы
лью?

Я получил твое письмо. Тебе мое прочесть пора б!
Нуждаюсь в добром слове я, как нищий, узник или
раб.

Зачем отринула того, кто жалок, немощен и слаб?
Под одеялом у тебя, недужный, забыться хочу.

Не обжигай меня, я сам горю на медленном огне.
Не двоедушен я, поверь, коварство не по сердцу мне.
Я — соловей, Саят-Нова! Открой же, роза, дверцу
мне

В златую клетку: миндаля очищенного я хочу!

* * *

Как можно другу отказать и нанести ему удар?
Напрасно жизнь я приношу любимой, бессердечной,
в дар!
Я посылал к тебе—достать хочу индийский каламар.
Купил парчу и, к ней под стать, ишу индийский
каламар.
Застежек для тебя ишу. Где золотых дел мастера?
Литые пальчики твои кто вывел росчерком пера?
Встань, девушка, тугим узлом свяжи кушак из
серебра.
Спляши, как по струне золотой, что натянул на шесть
фигляр.
Ты телом — тополь молодой. Ты станом, как
тростник, стройна.
Лицом, как солнце, ты светла, кругла, как полная
луна.

Ты — ангел на земле; таких вовек не видела она.
Тебя ввести в свою семью цари мечтают — млад
и стар.

Хотел я рано поутру взглянуть на нежный облик
твой.

Атласным одеялом ты была укрыта с головой.
Саят-Нова всю ночь без сна в слезах провел, был
сам не свой,
И, как звезда, что влюблена в луну, встречал зари
пожар.

* * *

В саду любимой разум потерял я.
Уйти хочу — и слышу стук засова.
Тогда сознание разом потерял я.
Очнувшись, тополя увидел снова.

Сказал ей: «Видишь, обливаюсь кровью!
Язык певца не понуждай к злословью.
Господь благослови тебя любовью,
Чтоб ты вовек не ведала худого».

Султаном был — с войсками я расстался.
Торговцем был — с шелками я расстался.
С любимой со слезами я расстался.
Как мне достать ее со дна морского?

Такое мне доселе не знакомо:
К моей груди приставлен меч Ростом.

В окно гляжу, надеясь по-пустому.
Утешить в силах ты одна больного!

Твой облик чист и светел, как лампада.
Молю я: не ищи других, не надо!
Коль для тебя слова любви — отрада,
Пойми, Саят-Нова — властитель слова.

* * *

Захочешь душу из души — и нет запрета для тебя!
Все клады мира — для тебя, все страны света —
для тебя.
Я сам лишь безымянный раб, добытый где-то для тебя.
Моей сердечной раны след — клеймо и мета для тебя.
И даже года времена — зима и лето — для тебя.

Полна небесной красоты, как бы сошла с божницы
ты.
На пальцах вышиваешь ты; искусней мастерицы ты!
Умы, сердца пленяешь ты; властительней царицы ты!
Несчастливых сна лишаешь ты; не дашь смежить
ресницы ты,
Любимая, не спать готов я до рассвета для тебя!

Живой блистающий маяк! Вокруг тебя редеет мгла.
Тугая златоткань твой стан великолепный облегла!

Ты выплываешь, как луна в часы вечернего тепла,
И затмеваешь остальных красавиц ясностью чела.
Немало сложено стихов и песен спето для тебя.

Но ты, прелестная моя, с Меджнуном не в ладах, увы!
Кто опоил тебя, кто свел с ума? Не слушай злой
молвы!

Златые часики мои, зачем остановились вы?
В саду весеннем расцвела ты розой для Саят-Новы.
Слетев с вершины, соловей поет, и это — для тебя.

* * *

Пропашая головушка! Доколе
Посмешищем служить в мирской юдоли?
Куда ни сунусь — расшибусь до боли.
Достоин я глумленья поневоле.

Кого винить мне в этом, — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Как в золотом ларце хрусталь граненый,
Я красовался, славой упоенный.
Теперь я говорю себе, смятенный:
«Башка твоя набита камнем, что ли?»

Кого винить мне в этом, — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Был голубем, а стал я перепелкой!
Был рисом я, а стал овсом, — что толку?

Обет я дал, стал чернецом,— что толку? —
Благодаря моей несчастной доле.

Кого винить мне в этом,— не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Пришла арба, и, в счет налога, разом
Все погрузили вместе с франкским сазом.
«За что?» — спросил я. Не сморгнули глазом.
«За то, что ты — лачужник!» — укололи.

Кого винить мне в этом,— не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Саят-Нове будь пристанью от бури.
Ходить к султанам — не в моей натуре.
Хотя и деревянным чианури,
А все ж прославлен я в родном застолье!

Кого винить мне в этом,— не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

* * *

Питомица розы, поверь мне,— родного сосца
прекраснее ты.

Насущного хлеба, добытого в поте лица,
прекраснее ты.

Блестящего слитка в руках златодела-творца
прекраснее ты.

Кувшина, что мог бы служить украшением дворца,
прекраснее ты.

Чье войско стоит у ворот? Я султана ищу.
Нарцисса — в садах, и на склонах — тюльпана ищу.
Жемчужные четки, продернутые сквозь парчу!
Подземной царицы, подвесок ее и венца
прекраснее ты.

Вселенная делится надвое: ты — и не ты!
Мне ангел приснился. Его неземные черты

Казались чудесным подобьем твоей красоты.
Насущного хлеба — готов я твердить без конца —
прекраснее ты!

Ты — пряность заморская, что ли? Корица, мускат?
Иль камень целебный? Иль золототканый наряд?
Ларец драгоценный, в котором скрывается клад?
Сандалового с перламутровой крышкой ларца
прекраснее ты.

Зачем же далекой ладьей ты маячишь всегда?
Спросила бы Саят-Нову, что, мол, плачешь всегда?
Днем солнцу подобна, ты светишь в ночи, как звезда.
Пятнадцатидневной созревшей луны для певца
прекраснее ты!

* * *

Полуночная звезда в небосклоне — ты.
Розы в скошенной траве благовонней ты.
Ты — фиалка, первоцвет в вешнем лоне — ты.
Кто ты? Сказочный олень, конь в погоне — ты?
Ты — сантури, ты — смычок, плеск ладоней — ты!

Где наставник твой? Ушел, видно, на покой.
Убиваешь ты меня собственной рукой.
Дай лекарства, помоги совладать с тоской!
Кисть не может передать красоты такой:
Дивной вязи на шелку изощренней ты.

Без тебя судьба моя слишком тяжела.
И за что меня казнишь? Я не сделал зла.
Кандалы — моя любовь, цепи, кабала.
Ты глядишь, а мне глаза застилает мгла..
Ты — в ларце из хрусталя, в светлой броне ты.

Горный тур,— со снеговой кручи прянешь ты,
Иль дождем из грозовой тучи станешь ты.
Серной на скале мелькнешь и не взглянешь ты.
Тысячью огней сверкнешь и обманешь ты.
В каждом вздохе у меня, в каждом стоне — ты!

Заручилась ты не зря дружбою царей:
Грамоту индийский царь шлет из-за морей,
Страж с кинжалом золотым замер у дверей,
Блюдо жемчуга тебе в дар несут скорей.
Прочь ступай, Саят-Нова! Посторонний ты.

* * *

Разве голоден был и едой подкрепиться пришел я?
Слышать голос твой жаждал, беседой упиться
пришел я.
Мне денницы дожждаться б! Затем, что не спится,
пришел я.
Сам не помню, зачем, бестолковый тупица, пришел я?

Ты — венец государя. Бесценно твое покрывало,
А моя голова украшений таких не знавала.
Ты — оконница из хрусталя и резного сандала.
Ради ночи бессонной к тебе, златолицей, пришел я.

Ты — узорный клинок, драгоценный товар
хорасанский.
Ты — цветистый атлас, ты — парча, каламкар
индостанский.

Я — купец из далеких земель, ты — базар мой
марандский.

Денег нет у меня на парчу, ради ситца пришел я.

Верь мне в долг, свет очей! — голова моя будет
залогом,

А лихвою — хвала, славословье, — клянусь моим
слогом!

Я тебе предаюсь, я стою перед этим порогом.

Не спастись — так погибнуть сегодня, царица,
пришел я!

Целый мир не воздал бы тебе по достоинству дани.
Равных нет в Индостане, таких не найти

в Прангистане.

«Бедный Саят-Нова, — говорят, — вне себя от
страданий!»

Я Аллепо прошел, и в Ассирию, мнится, пришел я.

* * *

Мало радости в том, что совсем ты дурного не знаешь.
Ты печали не знаешь — ни старой, ни новой не
знаешь.

Загубила кого, без единого слова, — не знаешь.
Чье рыданье всечасно прорваться готово — не знаешь.
Как зовусь я, и то — не гляди так сурово! —
не знаешь.

Нас обоих господь сотворил, — я клянусь тебе в этом.
Слаще сахара может быть слово твое, по приметам.
Желчь оставь для врагов — не гнушайся хорошим
советом.

Ты различья не ведаешь между зимою и летом.
Ты ни масленой, ни воскресенья Христова не знаешь.

По природе своей соловей, воробьем я не буду.
Я не дальняя лодка, гонимая ветром повсюду.

Я не черен, а бел. Я привержен добру, а не худу.
Мы соседи с тобой. Как понять мне такую причуду,
Что родства ты не знаешь, соседства простого
не знаешь?

Без тебя я томлюсь понапрасну, тоска меня гложет.
Как свеча, от чужого дыханья угасну, быть может.
Стань же сахара слаще,— мой стих в этом деле
поможет!

О, никто тебе, Саят-Нова, торговать не предложит!
Сам себе господин, ты ль призванья святого
не знаешь?

* * *

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань
я не хочу!

Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.

Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.

И сколько б ни твердили мне: «Двуличным стань!» —
я не хочу.

Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

Не допускай, чтоб кровь моя рекою попусту лилась.

Ты, видно, дорогой ценой купил меня на этот раз.

К тебе с поклоном я приду: иранский чин введен
у нас.

Но ты одень меня в шелка и переливчатый атлас:

С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!

Ты слов моих не отвергай, коль правда у тебя
в чести.

Зато твоей одежды край отныне я готов нести,
И прахом голову мою в своей гордыне ты сочти!
Но саду твоему — с моим в одной долине расцвести.
Меж ними колья не вбивай: размежеванья не хочу!

Ушло бывшее, не вернуть поры твоей, Саят-Нова!
О ней напрасно не вздыхай и слез не лей,

Саят-Нова,
Отныне всякий по плечу ударит: «Эй, Саят-Нова,
Куда идешь? Ступай ко мне, и ешь, и пей,
Саят-Нова».

Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья — не хочу!

* * *

Поверь мне, кованый железа кусок —
И то железкою кривой назовут.
Резьба — тарелке деревянной не впрок,
И деревяшку — таковой назовут.

Должны ложиться стройным рядом слова.
Хитрец привык везде искать смысла два.
Приметы дерева — и цвет и листва.
Траву — не хною, а травой назовут.

Парча красива, но добротней — сукно,
А ситцу в стирке расползтись суждено,
Стекло в оправе золотой все равно
Стеклом, качая головой, назовут.

Хвалиться княжеством иной может зря.
Назваться ива и сосной может зря.
Я — сазандар грузинского царя.
Саят-Нову — Саят-Новой назовут!

* * *

Говорят, гора крутая разделила два селенья. Это
верно.

В цветнике твоём раскрылась роза всем на удивленье.
Это верно.

К цветнику дорогу славят соловьев залетных пенье.
Это верно.

У властителя Китая не сестра — а загляденье!
Это верно.

Есть на свете край, где море бьет о берег
в нетерпенье. Это верно.

Протянул к тебе я руку. Уколола, злючка, словно
ежевика!

Кровь на пальцах проступила наподобье лала или
сердолика.

С гирькою золотниковой сердце я свое сравнил бы,
горемыка!

Изошли глаза слезами с той поры, как не видал я
солнцеликой.
Мук моих свидетель — небо! Не дождусь я
исцеленья. Это верно.

Шкура содрана с лисицы. Не маши крылами, сокол,
ты впустую!
Не старайся ради старой, — новую ищи добычу,
непростую.
У тебя глаза — алмазы, крепкий клюв — угроза
змеям. Бей любую!
Я тоскую, сам не знаю — изо всех скорбей оплакать
мне какую?
Говорят, я здесь по счету двадцать третий. Без
сомнения, это верно.

Остальные, в острословье соревнуйся меж собою,
ждут награды,
На мече клянутся пылко и пронзить себе стрелою
сердце рады,
Кто постыл — утопишь в море, повелишь в колодезь
кинуть без пощады.
Сверху жерновом завалят. И не выйти и не сдвинуть
той громады!
Из глубокого колодца нет возврата, нет спасенья.
Это верно!

Что я для твоей гордыни? Так, песок прибрежный
или пыль пустыни...
Обожжен горячим пловом, на холодную похлебку
дую ныне.
И во мне теперь не больше проку, чем в горшке
разбитом иль кувшине.
Дай покоя!.. Исхудалый лик мой цветом не уступит
краске синей.
Зря терплю от Гурген-хана я, Саят-Нова, мученья.
Это верно!

* * *

Улыбнулась бы мне разок! Что ты прячешь взор,
покажись!
Хоть сердиться умеешь ты, хоть язык остер,—
покажись!
Кто ты,— лал, изумруд? Готов разрешить я спор —
покажись!
Очутиться в плену боюсь, но взгляну в упор.
Покажись!
Соловей,— я в тоске ищу розу с давних пор!
Покажись!
Драгоценная, не сердись! Вечерком выходи ко мне.
Златотканый ковер топча башмачком, выходи ко мне.
От нескромных очей лицо скрыв платком, выходи
ко мне.
По-грузински шепчу словцо я тайком,— выходи
ко мне.
Кто ты, нежная лань, газель или серна гор? —
покажись.

Вышла, волосы распустив, серебристый набросив газ.
Красноватых кудрей отлив мне напомнил рехан

тотчас.

Твой точеный стан горделив, и не требует он
прикрас.

Из коралла застежкой ты на груди собрала атлас.

Ты — жемчужина! Ты сама — дорогой убор.

Покажись!

Ты головку свою зачем в западню суешь, — не пойму!

Ожерелье зачем суешь в просмоленную ты суму!

Оттолкнула меня совсем, предпочтенье отдав кому?

Он в парчу и в шелка одет, а попробуй сказать ему:

— Что в узле твоём парчовом? Не таись, как вор!

Покажись!

Наступила весна. Ужель нам сидеть взаперти — пора?

И фиалок и роз не счесть. Видно, саду цвести пора.

Поспевают черешни. Быть садоводу в чести пора.

Поднимается солнце ввысь. Вот уже полдня почти

пора!

Тени жаждет Саят-Нова. Где ты, мой шатер,

покажись!

* * *

Что, если с кровли к нам она сойдет,
Под стать луне, презревшей небосвод,
Касатке, упорхнувшей из тенет?
О, не ходи напрасно взад-вперед,
Чтоб на лицо твое глазел народ!

Мне быть бы солнца утренним лучом.
Мне быть бы деревцем в саду твоём,—
Лишь не руби под корень топором!
Твоим соседом быть бы — двор с двором,—
Дабы в мой дом, как в свой, ты знала вход.

Мне не спастись, пленен я, связан я.
Признайся, чем тебе обязан я?
Возмездья жди, хоть сам наказан я.
Созвездья гаснут,— и краса твоя,
Подобно им, померкнет в свой черед.

Как свой халат или парчи кусок,
Саят-Нову через плечо — дай срок! —
Ты перекинешь: род мой невысок.
Топчи меня ногами, как песок!
Я — раб, валяюсь у твоих ворот.

П Е Р Е В О Д Ы
С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

* * *

Дитя океана! Мой перл! Для тебя
Алмазов и лалов не жаль, назани,
Язык твой как сахар, уста как пинджан,
А губы как мед и миндаль, назани!

О нежная, крови моей не пролей!
Лицо твое — кости слоновой белей,
Червонные косы — цепей тяжелей,
А родинка — сердцу печаль, назани!

Пугливая ты куропатка в горах,
В парче твоя грудь, как шамамы в садах,
Твой стан — на токарных точили станках,
Зачем ты закуталась в шаль, назани?

Ты — роза, фиалка блаженных долин,
Пера на короне бесценный кармин,
Похищенный в шахских таможах муслин,
Глаза твои — темный хрусталь, назани!

Саят-Нова — пирам наследник прямой,
Дана ему песенной ты ворожкой,
К любви он рванулся — и ранен тобой,
И раны сочтет он едва ль, назани!

* * *

Не поведаю миру моих скорбей,
С прощением перед султаншей стою:
Пусть решит справедливо: коль есть вина —
Веревку накинёт на шею мою.

Если впрямь на бумагу твой взор упал,
Ты — единственный мой бадахшанский лал —
Разгадай, что я в жалобе написал:
Я в жертву любимой себя отдаю.

Увядает на камне безводном цвет;
Нет в светильнике масла — погаснет свет;
Дела глупой вороне до розы нет;
Без розы не жить одному соловью.

Кто решил через море пуститься вброд,
Понапрасну героем себя сочтет;

Кто за доброе злобою воздает,
Лишится почета в родимом краю.

По заветам былых мастеров живу,
Потому и влюбленным певцом слыву.
Попеченью могилы Саят-Нову
Предайте, оплакав кончину мою.

* * *

Яр, отдай мне твои огорченья все,
Чаровница жестокая, приходи!
Дай прильнуть к расплетенной твоей косе,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Раб смиренный, я клятву тебе даю:
В мире суетном только тебя пою.
Вот молю повелительницу мою:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Что за горе мою заклеило грудь?
Краше райского сада у милой грудь.
Красота мимолетна. Добрее будь,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Кто подымет столь тяжкое бремя бед?
Яр, я твой! От печали защиты нет,
В смертный час не придет мне на помощь
свет,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Дар — от муз. Плачет саз, и летят слова.
Взял от пламени пламя Саят-Нова,
И горит, и скорбит, и поет едва:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

* * *

Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу:
О камни бьется головой Саят-Нова,
Огнем горит его душа, покинув тело,
В слезах скорбит полуживой Саят-Нова.

Твоей ли яр не угадать твоих страданий?
Не плачь в полночной тишине, Саят-Нова,
Я, и с другими говоря, с тобою сердцем,
Не мучься, не тоскуй по мне, Саят-Нова!

Твой взор ловлю и слезы лью: умру от жажды.
Плоды взрастил в том краю — умру от жажды.
Томленье смертное таю: умру от жажды,
Спроси: а где наперсник твой, Саят-Нова?

Грозит бедой недобрый час — и нет спасенья!
Мой соловей умрет сейчас — и нет спасенья!

Меня позорит громкий саз — и нет спасенья:
Безумен по моей вине Саят-Нова.

Что делать мне, когда печаль меня тиранит?
Тоска по яр, как злая сталь, мне сердце ранит,
Обету изменить мне жаль — и жертвой станет,
И ляжет под ноги травой Саят-Нова.

Я и сама бы к твоему пришла порогу —
Злословью страшно указать мою дорогу.
О том, чтоб мне твоею стать, взываю к богу, —
Так не терзайся хоть во сне, Саят-Нова!

На хлеб да соль глядит гордец, почета хочет,
Кровавых ран прямой боец без счета хочет,
Желанной горлицы певец прилета хочет,
Иль вспыхнет пылью огневой — Саят-Нова.

Не я ли яр, не ты ли мой — учитель мудрый?
Осуществи закон земной, учитель мудрый:
Я — твой светильник золотой, учитель мудрый,
Будь мотыльком в моем огне, Саят-Нова.

Ты, сердце, бедный сумасброд, скорбя, изныло.
Какой озноб тебя берет! Иль ты забыло,
Как прославлял певца народ? Зачем для милой
Ступил на этот путь кривой, Саят-Нова?

Кто изобрел слова для нас — моя и мой?
Пусть мать меня в закатный час не ждет домой.
Я — Шах-сенем, отрада глаз. С вечерней тьмой
Владыкой стань в моей стране, Саят-Нова!

1756

* * *

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал, — за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног,
А наш герой отыщет свинца кусок —
На стол купца, удаче рад, положит.

Труба слепого рока о том поет,
Что потерял достаток почтенный род, —
А кто нуждался в шерсти, сегодня тот
Парчи да шелка в скрыню клад положит.

Добро и зло, мой боже, разъедини!
От деспота лихого оборони!

Не на врага в обиде я в эти дни:
Любимый друг мне в чашу яд положит.

Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?
Пройдет любовь — ее мученья кому нужны?
Саят-Новы стихотворенья — кому нужны?
Теперь любой созвучья в ряд положит.

19 марта 1758

* * *

Невыносимым стал мне песенный мой дар.
Я словно связан, рук лишен как будто.
Мой разум отлетел, в груди моей пожар,
А люди скажут: он умен как будто!

Наперекор всему я к хлебу соль достал,
Со дна морей песок — взглянуть изволь —
достал.

К одной болезни сто, усилив боль, достал.
В них корень, в них и зелень крон как будто.

Да смилуется бог над мастера душой!
Сырою веткою горю в степи сухой.
На сердце уголек упал в ночи глухой,—
Огнем я мечен, заклеямен как будто.

Кровь глаз моих с водой реки смешал я,
И день и ночь от боли чуть дышал я.

Как мотылек, на край свечи, упал я,
Промасленный со всех сторон как будто.

Безумцем стал, дышу любви угаром,
А ты восторг мой треплешь по базарам...
И говорят прохожие недаром:
Саят-Нова, мол, опьянен как будто.

10 июня 1758

* * *

Темнеет мир в сердце моем,
Когда твой взор мне не горит.
Ну где такой лик мы найдем,
Если резец не начертит, не начертит,
не начертит.

Хоть блещет роз ярких гряда,
Ты всех милей будешь всегда.
Мне сахар всласть будет, когда
С розовым ртом будет он слит, будет он
слит, будет он слит.

Любовью пьян, весь я в огне.
Глядеть позволь досыта мне.
Зачем же, яр, ты в стороне,
Коль на тебя взор мой глядит, взор мой
глядит, взор мой глядит.

Ценней тебя клада не зрим.
Мой долог плен, свылся я с ним.
Змеиться ль, яр, косам твоим,
Если в их мрак жемчуг не ввит, жемчуг не
ввит, жемчуг не ввит.

Меня ль поймать черной косой,
Коль нет в ночи розы со мной?
Тебе ль цвести светлой весной,
Если Саят не приютит, не приютит,
не приютит.

10 июня 1758

* * *

Смерть придет ко мне незвано,— и себе я кров ищу.
Для злокозненных и низких я клянущих слов ищу.
Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов, ищу.

Я — певец любви. Откуда этот дар ниспослан мне?
Он мой разум жжет, как пламя, а ведь я и так в огне.
Мирно, мать моя, покойся ты в загробной тишине!
С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев ищу.

Как и мельницы, напевы не завертятся без вод.
Песнь меня в безумье ввергнет, вмиг мой разум
разорвет.

В розы сердце обратилось, в лепестковый хоровод.
Не всегда ценю я знатных, в друге не чинов ищу.
Я попал в любви пучину, я чуть сдерживаю крик.
Вот я чувствую: без сил я, воют волны, скроют вмиг.

В песнях и четвертой доли мастерства я не достиг.
Ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу.
Песнопенье, словно пламя, сердце все мое сожгло.
Душу, тело мне сжигает, разум вихрем унесло.
Плачь, Саят-Нова безумный, проклинай ты это зло.
От невнемлющих не сгину. В мире свой улов ищу.

9 июля 1758

* * *

Яр, мук терпеть не стану, нету силы.
Не ты ль мне жилы вскрыла — пожалей!
Перевяжи мне рану, нету силы.
Рука мне изменила, пожалей!

Я, жертва кос, обрызганных росой,
Брел в полнолунье лунной полосой,
На огонек летел, пленен красою,
Ты мотыльку светила — пожалей!

Подстреленный олень я, — скал не вижу.
Где кравчий? Я вина искал, не вижу.
Сад соловьиный темен стал — не вижу.
Бутону червь — могила, пожалей!

Двух родинок у влажных уст я жажду,
Дай меда ласки, кубок пуст — я жажду.

Той шали, что как в розах куст, я жажду,
Парчой ты день затмила, пожалей!

Ах, вступит скорбь в свои права однажды,
Ужальт в сердце яр слова однажды.
Есть божий раб Саят-Нова. Однажды
Того, кого сгубила, пожалей.

1758

* * *

Слова великих мудрецов —
Свет, им ниспосланный с вершин.
Как струны стройные, должны
Они звучать среди долин.

Лишь друг твой помнит о судьбе
Твоей и о твоей алчбе.
Как зубы — телу, так — тебе
Он помогает, он один.

Я плачу в горести разлук.
Бреду, ищу, гляжу вокруг.
Для друга неподкупный друг —
Целенье всех его кручин.

Герой в дали любых краев
Превыше тысячи купцов.

И если честь его покров,—
Его наполнится овин.

Тем, кто с рассветом на восток
Не взглянет,— это им не впрок.
Саят-Нова от них далек.
Он в вере тверд, он — армянин.

1758

* * *

В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда
кладь моя,
Шелка цветов рубина, перла иль изумруда —
кладь моя.
Неведомые благовонья в стекле сосуда — кладь моя.
Ты — всех не видевших приманка, души причуда —
кладь моя.
Имбирь, гвоздика, мир, терпенье и прелесть чуда —
кладь моя.

Художники со всей вселенной пускай сберутся
вкруг меня,
Индийский резчик пусть рассмотрит узоры, тонкость
оценя.
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного огня.
Заворожат вас шелк, и бархат, и златоткань,
к себе маня.

Искусно убрана, с умением — не сыщешь худа —
кладь моя.
Так тяжела! — слону не сдвинуть, не унести и
на спине,
Ни за один рубин не смог я сойтись с оценщиком
в цене.
На тысячу затворов заперт любой ларец в моей казне.
А в сердце горн такой пылает, что и в потоп
сгоришь в огне.
Сожжет вас, если не уйдете тотчас отсюда, кладь моя.

Эй, господа, боюсь, расхитят поклажу ценную мою,
Я лучше выюк за выюком вскрою, — вам покажу,
о чем пою.
Товар возьмете не возьмете — себя вам в жертву
отдаю.
Я выюк раскрыл: разнесся запах — вдыхайте сладкую
струю.
Дошаб, шербет, миндаль и сахар, варенья блюда —
кладь моя.

Алмазными пусть станут скалы, — на что они моим
очам.
Другие пусть ко мне подходят, а к ним не подойду
я сам.

Но не приблизитесь вы, знаю, огонь любви опасен
вам.

Послушайте, друзья, не верьте, прошу, Саят-Новы
словам.

Ведь так нежна, что в зной растает, как снега груды,
кладь моя.

* * *

Все расскажу о родинках любимой:
Одна — Иран, играя, покорила,
Одна — взяла весь мир необозримый,
Сердца — другая, злая, покорила.

Одна теперь — владычица морская,
И Гюмушхан ей платит дань, вздыхая;
Вселенной солнце яркое — другая,
Владычица земная, покорила.

Одна — всегда добром и злом играла,
В горах дремучих ланям стрелы слала,
Одна — прекрасней яхонта и лала;
Какой алмаз другая покорила!

Одна, майдан тбилисский тенью края,
Купцам и нищим не дает покоя;

Другая — ищущего яр — без боя,
Сама того не зная, покорила.

Одна — чернеет, звезды затмевая,
Другая — скрыла небеса до края;
Одна — пленила песню, а другая —
Саят-Нову, терзая, покорила.

* * *

Надела золотую ткань на пурпурный атлас — яр.
Художник мушку начертил: таков был мой

приказ, яр;
Твоя улыбка — яркий лал, и жемчуг, и алмаз, яр.
Прекрасный вырез губ твоих чуждается прикрас, яр!

Безумец я, не нахожу тебя достойных похвал;
«Взгляни!» — молил я — не глядишь. Любви мой
разум искал —
Ты унесла его с собой, я беден мыслями стал,
В кувшин китайский слезы лью из опаленных глаз, яр.

Где дни? Где ночи? Я забрел в неизвестные места.
На быстром скакуне любви летит твоя красота,
В зеленом, в синем, в красном ты — тебе к лицу
пестрота,

Шелк, бархат, златоткань, парча — ты в новом
каждый раз, яр.

Как бабочка вокруг свечи, в огне любовном сную:
Не сгину, если покорю возлюбленную мою.
Я тучу локонов твоих под жгучим ветром пою.
От сглазу верный амулет надень в недобрый час, яр.

Схватил ли я — Саят-Нова — свою любовь за рукав?
Я обезумел, как Бахлул, в ее засаду попав.
«Приди!» — воззвал, за песнью песнь, как яхонты,
распродав, —
И шелест платья твоего меня от горя спас, яр!

* * *

Я тобой измучен, о моя пери!
Душу обожгла мне, извела не ты ли?
Плач мой, что все ночи слышен до зари,
По садам окрестным разнесла не ты ли?

Кинул свой улус я, мне возврата нет.
И в своих скитаньях весь прошел я свет,
Кто скрутил мне жилы, сгорбил мой хребет?
Стан мой в лук согнула, о стрела, не ты ли?

Как Меджнун в пустыне, я не жду отрад.
Притчей во языцех стал я, как Фархад.
Вот Саят-Нова твой! Он и жить не рад.
Жизнь его на гибель обрекла не ты ли?

* * *

Она взрастила сад красот: айва и гранаты — в ней.
В ней амбра с мускусом слились, всех стран
ароматы — в ней.
Фиалок, майорана дух, дух розы и мяты — в ней.
В миру — зима, но все цветы, что вёснам так святы, —
в ней.
Я юн еще, и жарок я, помилуй и не сжигай.
Что делать мне! Свое чело и плечи не украшай.
Сегодня с ланью схожа ты, ты стан свой
не расправляй!
Весь мир, что лег в тени чинар, прохладой
объятый, — в ней.
В саду твоём звенит бюльбюль и розовый пышен
куст.
Под вечер, утром и вовек весь мир без тебя мне
пуст.

Проснулся я, вскочил и пью дыханье желанных уст.
На помощь! Гибну! Властный жар, бедою
чреватый,— в ней.

Вновь ранит грудь мою она, все новых я жду невзгод.
Все страждет грудь. Ища лекарств, к прекрасной
нашел я ход.
И вот от яр услышал я: «Ко мне приходи раз в год».
Разит певца — все ж камфара любви тороватой —
в ней.

Сказали мне, она твердит: «Мне ль пара Саят-Нова?
Он вечно с сазом, лишь поет так яро Саят-Нова».
Есть шелк? Так покупатель, знай, муара Саят-Нова.
Тайник откроет ли мне яр? Шелка непочаты в ней!

* * *

Полетим, бюльбюль, с тобою
Мы по саду крúгом, крúгом.
Тут зимой порхал я — розе
На досаду — крúгом, крúгом.

Ах, бюльбюль, цветка достиг он,
Страсти языка достиг он.
И тебя, тоска, достиг он,
Мчась, рыдая, крúгом, крúгом.

Соловья от роз прогнал ты,
В тьму грозой угрог прогнал ты,
И меня, без слез, прогнал ты,
Враг, блуждая крúгом, крúгом.

Строже яр мне не встречалось.
Так скорбеть мне не случалось.

Счастья колесо умчалось,—
Вдаль стремится кру́гом, кру́гом.

Я — Саят-Нова, и яр я
В стойкой страсти. Верен яр я.
Камня отведу ль удар я,—
Вот он мчится кру́гом, кру́гом!

* * *

Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?
Куропатка, ты нежна, ближе подойди!
Соловей любви моей, пестрый соловей,
Слово молви поскорей, ближе подойди!

Где же, добрая, твой рай? Злая, весть подай
И слезам не позволяй литься через край,
Взором лани засверкай, похвалам внимай,
К нам, нарядная, как май, ближе подойди!

Твой Саят-Нова молчит, имя яр таит
И на площадь не влачит горестных обид,
Он удачей позабыт: счастье прочь бежит.
Победи свой робкий стыд, ближе подойди!

* * *

Ты кисти Индостана вдохновенье,
Лицом румяна — золото Египта,
Сирень, тюльпана нежное цветенье!
На тополь стана взглянешь — и погиб ты!

Приди, пленяя родинкою черной,
Ты вспыхнула зарей дороги торной,
Ни жив ни мертв я, лишь в тоске покорной
Взываю, как Лохман: еще мгновенье!

Газель, ты гибко вытянула шею —
Сладка, как сахар, грацией своею.
Приди, голубка, злую кинь затею,
Не дай Меджнуна испытать мученье!

Не гребнем — лаской кудри разделю я;
Ты — солнце, жду, как роза, поцелуя

Я, от любви безумствуя, ревнуя,
Бахлул я, чей удел — уединенье.

Саят-Нову разишь ты нежной дланью,
Весь Индостан тебе да будет данью,
Сравнима ты лишь с индостанской тканью.
Кипр и Хиос отдам за кос плененье.

* * *

Схожа с ланью, убежавшей от ловца,
Горделива и скромна проходит яр.
Красит родинка атлас ее лица,
В пояске златом, стройна, проходит яр.

Заклеймила и в полон меня взяла,
Цепь любви стальную яр, звеня, взяла,
Солнца яркого лучи у дня взяла,
Как прелестная луна, проходит яр.

На рожденную от феи дочь — взгляни,
Зубы — жемчуг, все равны, точь-в-точь, —
взгляни.
Кудри — змеи, а темны как ночь — взгляни.
Змей клубком оплетена, проходит яр.

Раны, горлинка, не береги моей,
Буря, пламя и пожар в груди моей.
Гибель от судьбы ты отведи моей,—
Словно море холодна, проходит яр.

Гиацинт, ковыль — шелка волос ее,
Создал бог под стать ей прелесть кос ее.
Друг Саят-Нова, люби без слез ее,
В золотой парче, одна, проходит яр.

* * *

О тебе распевал не один ашуг,—
Песнь моя горячей, я сожжен, сожжен.
Ты, свет солнца, похитивший лунный круг,
Блеском лунных лучей я сожжен, сожжен.

Обернулась листком золотым луна,
Принеси ты мне полный пинджан вина,
Знаю: мудростью редкой облечена.
Тайной женских затей я сожжен, сожжен.

Как с высоким чинаром тебя сравню,—
Срубят бедный чинар — отдадут огню.
Ты меняешь свой облик сто раз на дню,
Жемчугами речей я сожжен, сожжен.

Я измаян любовью, подай мне весть.
Потерял я рассудок, покой и честь,

Возле губ твоих родинок мне не счесть,—
Черной — цвета ночей — я сожжен, сожжен.

Сердце рвется к моей чаровнице, яр.
Приговоздила меня ты к темнице, яр.
Ах, Саят-Нова в огневице, яр.
Коль не твой, так ничей. Я сожжен, сожжен.

* * *

Розой раскрылась прелесть любимой.
Родинка — роза, щеки — роза, рот — роза.
Ждет соловей, любовью томимый.
Снится мне роза, где же роза? Вот роза.

Если ловец ты — спеши за ланью,
Если купец — угождай желанью,
В пышном наряде, сверкаешь тканью —
Вышиты розы: нечет — роза, чет — роза.

Сада царица мной завладела,
Плачу, рыдаю я то и дело,
Сыплешь слова в разговоре смело.
Речь твоя — роза, сладость — роза, мед — роза.

Розовый куст — восхищенье взора.
Знаю: убьешь соловья ты скоро.

Время не тронет красы убора,
Вечно ты — роза: месяц — роза, год — роза.

Если б взглядом ты подарила,
Сердце шипом, как мечом, пронзила,
Пусть бы Саят-Нову ты опалила,
Жаркая — роза, пламя — роза, жжет — роза.

Дрожа, предложил я безжалостной яр:
«Твой — сад, мой — куст роз, тень близ тына —
твоя».

Посмотрим, отдаст ли хозяин свой сад.
«Шамам — твой, мой — нож; грядка тмина — твоя».

Послушайте только, что хочет она:
Сжать в пальчиках дух мой, желаньем полна,
Порхать не велит мне над садом, — грозна!
«Твой — розан, бюльбюль — мой, долина —
твоя».

В безумство повергла меня западня.
Ты речь свою мечешь, как сраны, в меня.
Как выдержит грудь моя столько огня!
Лук — твой, мой — недуг, а кручина — твоя.

Уста твои — сахар, уста твои мед.
Ну кто же, твой лик увидав, не замрет?
Огонь твоей страсти мне крылья сожжет.
Полет — мой, огонь — твой, кончина — моя.

Охотился я — сокол сети порвал.
Я нацелился в лань, да в себя я попал.
Саят-Нова сладостно так прошептал:
«Твой — сахар, шербет — мой, половина —
ТВОЯ».

* * *

Кровью давнишняя рана сочится,
Старая рана,— я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

В самое сердце ты клюнула, птица,
Старая рана,— я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Словно Меджнун, я истерзан кручиной,
Связан я с розой судьбой соловьиной.
Каждый болеет, но раной старинной
Мучусь иначе,— я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Больше не весел я, предан печали,
Легче с годами терзанья не стали,

Снадобья пробовал — не помогали,
Издавна болен, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Милой писал я — пропало посланье,
Рана раскрылась — ужасно страданье.
Лекарь не лечит — к чему, мол, старанье!
Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Многое читано Саят-Новою, —
Все позабыл он, поник головою,
Тщетно он лечится мазью, травой.
Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

* * *

В когтях тоски забыта жизнь моя,
Но света ждет в ночи Саят-Нова.
Потоком слез омыта жизнь моя,
Кто скажет: замолчи, Саят-Нова?

Благословенной скромность назови,
С нее покровов детских не сорви.
Когда плывешь ты по морю любви,
Челна не промоchi, Саят-Нова!

Все в ранах, сердце, ноешь ты о ком?
Ты на свече сгорело мотыльком.
Убей газель, искусным будь стрелком,
И на плечах влачи, Саят-Нова!

Ты с азбукой знаком, ты грамотей,
Стихи для милой золотом расшей.

Яр потерял — ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова.

Бессмертной влаги взял у музыки ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты, —
Недуг свой излечи, Саят-Нова!

* * *

Глянь на грудь мою, — не кровь ли все течет,
все течет!

Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.
День и ночь она мне душу все влечет, все влечет,
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Ну скажи мне, что я сделал, в чем вина, в чем вина?
Это сердце отдал милой я навек, я сполна.
Как Бахлул, в сетях уснул я, и в душе ты одна.
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Заболел я, а лекарства не найти, не найти.
Чтоб избежать бед любовных, не обрел я пути.
Мчится уточка к озерам, мне невмочь к ней пройти.
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Стал пловцом я, в волнах моря я поплыл, я поплыл.
Как Фархад, горел и в скалы ударял что есть сил.
Как Меджнун, к Лейле взывая, по пескам я бродил.
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Вся в крови, как видно, печень — и горит и горит.
Вскрыто сердце, и из сердца путь для крови открыт.
И Саят-Нова рыдает и твердит, говорит:
«Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр».

* * *

Весть пришла от яр прелестной:

«Ни приветам, говорит,
Ни слезам его не внемлю, ни обетам! — говорит,
О моих сердечных тайнах с целым светом говорит, —
Все равно мне, что случится с тем поэтом!» —
говорит.

Брови яр — тугие луки, а ресницы — стрел грозней;
Вдалеке она гуляет, с милой — встретиться не смей!
Эй, друзья, кто горе мыкал? Что вы скажете о ней?
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется. «Что мне
в этом?» — говорит.

Соловей безумный страждет, в тяжких ранах грудь
певца:

В мире этом у красавиц беспощадные сердца.
Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца
Он твоим любимым будет! «Нет уж, где там!» —
говорит.

* * *

«Мир — ничто», — мне кто-то шепчет меж
ветвей.

Петь, играть, мечтать о пире я страшусь.
Ах, в гнездо свое умчится соловей.
Сирой клетки, птах в эфире я страшусь.

Смертный час натянет лук — и в свой черед
Мир души твоей, нагрянув, рассечет,
Струны сердца твоего переберет, —
Игрока на этой лире я страшусь.

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,
Шелк возьмет, заменит скудной пеленой.
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Но «купец» без спроса в двери постучит,
Он с болящим телом душу разлучит.
Пять аршин он мне полотнища всучит.
И его всех больше в мире я страшусь.

Говорит Саят-Нова: беда идет.
Вы, грешившие! Она сюда идет!
Боже милостивый, час — мзда идет!
Взвесят грех. Весов и гири я страшусь.

* * *

Охотнику оленя не настичь
Такого, что сдирает шкуру льва.
В капкан скорее попадетсЯ дичь,—
Сильнее в мире хитрости права.

Есть люди, у которых ум в ногах,
Невежды, чей неверен каждый шаг.
Есть змеи, прячущие хвост в ушах,—
Ничто им заклинателей слова.

Лишь мудрый зодчий возведет чертог,
Он должен знать всему черед и срок.
Ашуг, ты то же, что лихой стрелок.
Без масла жарить — зря палить дрова.

Все на любовь летят, как мотыльки,
Увы... любви дороги нележки,

Ширин пленилась музыкой кирки,
«К чему бить скалы?!» — говорит молва.

Где Шах Надир, католикос Казар,
Меликом бывший властный Минишкар,
Где ныне правый суд, а не базар?
Их нет, увы... Как быть, Саят-Нова?

* * *

Порой любовь другую хочу найти,
Но споры и раздоры придут, уйдут!
На милую и злую взглянуть боюсь:
Насмешливые взоры придут, уйдут.

Я стал золой и жаром: пришел мой час.
Ты, скромница, недаром не кажешь глаз:
С другим смеешься яром? — пускай для вас
Весна и счастье в горы придут, уйдут!

Твой род благословенный храни, творец!
Чей стих тебя достоин, какой венец?
Туда, где ты заплачешь, придет певец,
Согласных сазов хоры придут, уйдут.

Терзаюсь: ты нужна мне, любовь моя,
Жизнь разобью о камни, любовь моя,

Клялась, так будь верна мне, любовь моя,
Иль дни твои, как воры, придут, уйдут!

Саят-Нове покоя не знать, пока
Над ним кинжал заносит твоя рука.
О, пощади, голубка! Пускай тоска
И злой виновник ссоры придут, уйдут!

* * *

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг уста твои молчали?
Я болен, яр. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали?

Приди, взгляни, метни в меня копье!
Я сам подставляю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон,
Ты выжимаешь сердце, как лимон,
Я на позор тобою обречен, —
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень.
Не оживет застреленный олень.

Без добрых дел проходит долгий день.
Я по своей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: «Я на свечу,
Как бабочка влюбленная, лечу,
В огне любви я так сгореть хочу,
Чтоб искры яр мою не обжигали!»

* * *

Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погибну,
Из-за очей, и стрел ресниц, и дуг бровей — погибну;
Одной улыбкой розовой, как соловей, прельщенный,
Из-за цветенья белого груди твоей — погибну.

Смотри: я стал язычником, душа как пламень стала;
Я сохранил достоинство, изведав бед немало;
Одну печаль я выгадал, купец без капитала;
В объятьях горя жгучего, в плену скорбей — погибну.

Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрachu.
У яр душа темна как ночь, и вот — я кровью плачу.
Сберег я честь народную, клеймо бесчестья прячу,
Из-за любви — Саят-Нова — в расцвете дней —
погибну.

* * *

С поникшей головой, в цепях,
Я — пленник твой, любимая.
Вот я у ног твоих, я — прах,
Я — пленник твой, любимая.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч — горячая стрела, —
Сгорят мои глаза дотла,
Я — пленник твой, любимая.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду,
Я — пленник твой, любимая.

Молю — скиталец-соловей —
О, пригвозди меня скорей

У запертых твоих дверей,
Я — пленник твой, любимая.

Ты — роза, джан, а я — трава.
Смотри: я мертв, а ты — жива.
«Клянусь, — поет Саят-Нова, —
Я — пленник твой, любимая!»

* * *

Вы послушайте, что молвит вам ваш раб.
Многих сладостных певцов — о горе! — нет:
Много их в мир приходило и ушло.
Многих певших о любимом взоре — нет.

Все ушли, любовных слов не дождались.
Их сомкнулись рты, плодов не дождались.
Искандера сны миров не дождались,
И порфир, да и парчи в узоре — нет.

И с жезлом своим, в пределы птичьих стай,
Моисей поднялся на гору Синай.
Озарил огнем он весь подлунный край,
Но огня, что мог бы сжечь и море, — нет.

Снова раны мои кровью потекут,
Коль друзья меня погибнувшим сочтут

И сородичи, забыв меня, уйдут...
Горе! Матери в подлунном хоре — нет.

Вами мудрым каждый назван пустозвон.
И юнец у нас почетом облачен.
Обратитесь вы к Саят-Нове, но он
Скажет: «В путь!» — и вот его уж вскоре — нет.

* * *

Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя,
найдя.
Отринь, господь, мою беду, беде отпор найдя, найдя.

Сберечь вино твое не смог.
Я стал от родины далек.
Я пал в огонь, как мотылек,
Себе костер найдя, найдя.

И край чужой, что мне предстал,
Мне слать печали не устал...
Я, как Фархад, несчастным стал,
Твердыню гор найдя, найдя.

Охотник я, — да где простор?
Для дикой утки нет озер!

Бюльбюль, я плачу: тли узор
Не раз у роз — найдя, найдя.

Саят-Нова я, я — без сил.
Я пал, я страсть к тебе вкусил.
Ствол дней своих я подкосил,
Твой милый взор найдя, найдя.

* * *

Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник,
В нем себя, загордясь, небесправным сочтет.
И, не зная о розе, мечтой соловья
Он себя в заблужденье забавном сочтет.

Кто даст нищим дворец? Не возьму это в толк!
Обращается ль холст — как ни крась его — в шелк?
Я стенаю, предвидя, — нет, стон мой не смолк!
Каждый встречный себя скоро славным сочтет.

Что за стрелы, что ранят без крови и ран?
Есть и птица «красильщик» — да где ее чан?
Неуч, если ему дар злоречия дан,
С человеком себя также равным сочтет.

Сходства ищут иные с собою в горах,
Да нагрянувший ветер разносит их прах.

А другой, хоть червяк порождает в нем страх,
Против чудищ мечом себя главным сочтет!

Сердце! Страсти безумной смиришь ли порыв?
Погрузилось ты в страсть, мою грудь заклеив.
Плачет, плачет Саят. Ныне, льва победив,
И лисица царем себя явным сочтет!

* * *

Да будут смертному слова мои ясны:
Знай, солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.

Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блюди спокойствие и чистоту души,
Язык нам богом дан, — злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прянет.

В народе говорят: племянник с дядей схож,
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень все, и ты в свой род идешь.
Корицей пшат благоухать не станет.

По сердцу друга мне я в мире не найду
И, сетуя, кричу всем про свою беду.

Не рыл соседям ям и сам не пропаду.
Пусть я сгорю, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой,
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй.
Ковчегом он в потоп всплывет,— не канет.

* * *

Я лишь слуга ашугов искушенных,
Я тот, кто чтит судьбою обойденных.
И я мудрей тобой со мной сравненных,
Я тот, кто даст ученикам познание.

Кто смел, тот людям правду скажет просто.
В душе любовь, возрастая, жаждет роста.
Бед восемьдесят у меня... нет!.. до ста!
Я тот, чья жизнь и чья душа — страдание.

Беря плоды — их обаянье ведай.
Беря коралл — его название ведай.
Саят-Нову, его создание ведай;
Я тот, кто — свет, но кто не знал признания.

* * *

Мне ангелом любовь дана,
Горю, в ее глубинах тая.
Ах, косы заплела она,
В них золотую нить вплетая,
вплетая, вплетая.

Тебе все песни вновь отдам,
Весь мир — не прекословь — отдам,
Настанет час — всю кровь отдам
За очи, что горят, сверкая,
сверкая, сверкая.

В сад соловьем я залетел,
Коснуться розы захотел,
Обжегся я, — не доглядел,
Любовью я объят без края,
без края, без края.

Осиротелым соловьем
Без розы плачу день за днем.
Мешаешь ты бальзам с огнем,
Чтоб к ране приложить. О, злая,
о, злая, о, злая!

Строгает бедный гроб столяр,
Готовит смерть свой страшный дар,
Меня дворцы не слышат, яр,
Скорбит Саят-Нова, взывая,
взывая, взывая.

* * *

От любви мне дышать невмочь,
Жар в крови, сам себе не рад.
Кудри милой черны как ночь.
Ты с утра фиалковый сад поливала,
поливала, поливала.

Заблудившийся соловей,
Не сыщу я родных ветвей,
Обесславлен молвой людей.
А себя ты пред ней стократ оправдала,
оправдала, оправдала.

Виночерпица, дай вина!
Жизнь моя тебе отдана.
Наковальня раскалена,
В горне сердца ты жаркий ад раздувала,
раздувала, раздувала.

Дай сказать, погоди чуть-чуть,
О желанной вздыхает грудь,
Кровью застлан взор — не взглянуть!
Жжет мне грудь — так клеймом клеймят —
жар металла, жар металла, жар металла.

Я в тоске и слезах живу.
Я стрелой твой язык зову.
Для чего ты Саят-Нову —
Пред тобой он не виноват — наказала,
наказала, наказала?

* * *

Этот — друг твой, а та вот — услада ночей.
Этот — в розах, а тот — меж колючих ветвей.
Этот — лишь попугай, ну а тот соловей.
Этот — сахар вкушает, а тот — ляблябу.

Этот — все веселится, тот — горестью пьян.
Этот — взял золотник, а вон тот — взял батман.
Здесь различные судьбы раскинули стан:
Этот — жизни исполнен, тот бедный — в гробу.

Этот — в полном достатке, тот — нищ, словно
мышь.

Этот — тянет вино, тот — глотает гашиш.
Этот — с сазом бредет, тот вон с цитрой, глядишь.
Этот — празднует пир, тот — кусает губу.

Этот — спит, тот — подушек и не обнимал.
Этот — трезв, тот вон в винах, зная, толк понимал.
Этот — руку расшиб, тот — он ногу сломал.
Этот — мазь от ушибов размазал на лбу.

Где ж родился Саят? Сказал тот — Хамадан,
Этот — Инд. Нет, отец мой из дальних был стран:
Жил в Алеппо; а мать — авлабарка; мне дан
Свет в Тбилиси — свою в нем нашел я судьбу.

* * *

Хоть мастер опытный, весьма искусен ты, —
О том, что золотом заткали, говорят.
Увидев золотом расшитые шелка,
Про ткань индийскую едва ли говорят.

Не знает горя тот, кто истину блюдет.
Пусть продает он шелк, пусть холст он продает.
Не о камнях, что спят во тьме земных пород,
О тех, что строим стен предстали, говорят.

Как речь у мастера быть может не стройна?
Нет, без добычи быть охота не должна!
Брось иву, для огнив нужна ведь не она!
Лишь о сверкающей нам стали говорят.

Краса красавицы в руне ее кудрей.
Благовоспитанность — добротный шелк мужей.

В нечестном — яд; о том, чей ясен блеск очей,
Кто не нуждается в забрале, говорят.

У множества певцов любовный жар в крови.
Влюбленный — в горестях, как радость ни зови.
В Тбилиси, у грузин, поборником любви
Тебя, Саят-Нова, назвали, говорят.

* * *

Весь этот мир — лишь суета. Что край беды
припоминать?
Сгорает смертный, как огонь. Что ж нам пришедшего
желать?
Коль светоч истин угашу, то сам не буду я пылать.
От смертной чаши в Судный день рта не смогу
я оторвать.
Певунья сердца улетит, увядшей розе не дышать.
Мир — плод в руке творца,— и я прошу, склоняясь
у божьих ног:
«Возьми на длань свою меня, чтобы припасть
к тебе я смог,
Во мне и суша и вода, не расплетай же мой клубок».
О сын Адама, ты творца не покидай: ты одинок.
Последний сон сойдет к тебе,— и век тебе не
приподнять.

Все мудрецы, увидев мир, его сторонкой обошли,—
Так соловей в завоях роз не хочет и коснуться тли.
Не утверждай нам этот мир, в нем жизни вечной
не сули:
Мир в море каплями течет, глянь — в море капли
утекли.
Коль правду молвлю обо всем — стыда пред
истиной не зная.

Эй вы, аги! Придет беда, — огонь каких еще горнил!
В миру ином не различат — агой ли был, рабом
ли жил.
Отнимет розу у тебя приказом бога Гавриил.
Язык мне режьте, коль я лжи хоть малость вам
наговорил;
Бог — надо мной, под богом — я, и лжи мне не
провозглашать.

Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа есть.
Пророков — жизни вожаков — есть триста
шестьдесят и шесть.
О том, что, как певец Давид, в раю я буду, —
есть мне весть.
Саят-Нова, твой караван пошел — идет куда невесть.
Живите в благе! Ухожу, — и ног не поверну я вспять.

С Л О В А Р Ь

А б а ш — Эфиопия.

А г а — господин.

А к в а м а р и н — драгоценный камень сине-зеленого цвета.

А р а б с т а н — общее название арабских стран; Аравия.

А р а з, **А р а к с** — река в Армении, приток Куры.

А с м а в у р — название армянской церковной книги; «Святы», «Жития святых».

Б а р и т а в у р — правильно: багритавул; форма длинного стихотворения с характерным волнообразным ритмом, цепью созвучий на стыке строк.

Б а т м а н — мера веса, около полпуда.

Б а х л у л — герой восточных сказаний, странствующий мудрец, бесноватый, одержимый любовью. Этот фольклорный образ, как и образы Ростомы, Меджнуна, Фархада, Саят-Нова метафорически использует для выражения своих чувств.

Б ю л ь б ю л ь — соловей.

В е к и л — представитель власти; сановник.

Гашиш — наркотическое вещество, добываемое из смолы индийской конопли.

Гилян — область в Персии.

Гулабдан — сосуд для хранения розовой воды.

Гюлистан — розарий, цветник.

Гюмушхан — серебряные рудники в Турции.

Джавир — брильянт.

Джан — дорогая, милая или дорогой, милый.

Джанум — ласкательное обращение: душа моя, дорогая.

Джейран — вид антилопы.

Дошаб — сваренный сок винограда.

Залум — безжалостная, злая.

Зурна — духовой музыкальный инструмент.

Измир — город в Малой Азии на берегу Эгейского моря.

Имбирь — пряность.

Инд — Индия, индеец.

Искандер — Александр Македонский (356—323 до н. э.).

Калам — перо, а также кисть художника.

Каламкар — шелковая разрисованная ткань.

Калат — город в Хорасане (см.).

Каманча — правильно: кяманча, струнный смычковый музыкальный инструмент.

Кариб — скиталец-ашуг, герой народных сказаний, преданно любивший свою Шах-сенем (см.).

Католикос Казар — глава армяно-григорианской церкви, умер в 1751 г.; ему приписывается возведение каменной стены вокруг Эчмиадзинского монастыря.

Ковер Царей — пиандаз, драгоценная материя, которую расстилают под ноги почетным гостям.

Л а л — рубин.

Л е й л и (Лейла) — героиня восточного фольклора, а также произведений Низами, Физули и Навои. Образы Лейли и Меджнуна (см.) Саят-Нова метафорически использует для выражения своих чувств.

Л у х м а н (Лохман) — в арабской мифологии мудрец-лекарь.

Л я б л я б у — жареный горох; в другом значении — вареная свекла.

М а й д а н — торговый центр, рыночная площадь, а также поле боя.

М а р а л — олень.

М а р а н д — город в Персии.

М а т а х — жертва, жертвоприношение.

М е д ж л и с — собрание; пиршество; государственный совет.

М е д ж н у н — герой восточного фольклора (см. Лейли); буквально означает одержимый любовью; символ пламенной, верной и несчастной любви в фольклоре народов Передней и Средней Азии.

М и н и ш к а р — имя князя, одного из управителей Тбилиси в середине XVIII века.

М т к в а р и — грузинское название реки Куры.

Н а б а т — кристаллы топленого сахара.

Н а д и р (1688—1747) — персидский военачальник, а потом шах; известен своими грабительскими походами и жестокостью.

Н а з а н и — прелестница.

Н а з и р — чиновник при дворе.

О р н а — по библейскому преданию, на гумне земледельца Орны иудейский царь Давид соорудил жертвенник богу.

П а р г а л — ножницы; циркуль.
П е р и — фея; красавица.
П и н д ж а н — сосуд, чаша, фиал.
П р а н г и — французский, иногда европейский.
П р а н г и с т а н — Франция; иногда вся Западная Европа.

Р а х и п — разлучник.
Р а ш (рахш) — огненный конь; так звали коня Рустема из поэмы «Шах-наме» Фирдоуси (934 — ок. 1020).
Р е х а н (рейхан) — базилик, ароматическое съедобное растение с красивыми листьями.
Р о с т о м, Р о с т о м - З а л, или Р о с т о м, сын З а л а — Р у с т е м, герой поэмы «Шах-наме» Фирдоуси. Саят-Нова в своих песнях обращается к образу Рустема — мужественного и благородного героя.

С а з — струнный музыкальный инструмент.
С а з а н д а р — музыкант-исполнитель на струнном инструменте; ансамбль, состоящий из тара, кяманчи и бубна.
С а н т у р — струнный ударный музыкальный инструмент.
С а р д а р — персидский военачальник.
С а р и с а р — шелковая ткань.
С к а н д а р - З у л х а р — Александр Македонский.
С о й б а т — беседа.
С у н б у л — гиацинт; ковыль.
С у с а м б а р — ароматическое растение.

Т а р — струнный музыкальный инструмент.
Т и а р а — корона древних персидских царей.
Т у р а н — Туркестан.

Фархад — ваятель, герой поэм Низами и Навои; его любовь к Ширин — символ беззаветной, преданной любви в фольклоре народов Передней и Средней Азии.

Хамадан — город в Персии.

Хиос — остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии.

Хорасан — провинция Персии; известна своими коврами, шелковыми тканями, оружием.

Цахказард — вербное воскресенье, праздник весны.

Чиганури — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Шакар — сахар.

Шам — Дамаск.

Шамам — сорт маленькой ароматной дыни.

Шамаха (Шемаха) — торговый и ремесленный центр в старом Азербайджане.

Шах-Аббас (1587—1628) — персидский шах, деспотичный и жестокий правитель.

Шахатан — вид мелодии, форма стихотворения.

Шахиб — высший чиновник при дворе, правитель, наместник.

Шахсанам (Шах-сенем) — героиня народных сказаний, возлюбленная Кариба (см.).

Шербет — прохладительный напиток с сахаром.

Шираз — город в Персии, крупный торговый и культурный центр, родина Хафиза и Саади.

Ширин — возлюбленная Фархада (см.).

Шушан — лилия.

Яр — милая, милый.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Гришашвили. Саят-Нова</i>	3
---	----------

І. ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

«Как соловей, томилась ты...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	19
«Ты, безумное сердце, мне внимли...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	21
«Твой силен ум: таким рожден,— себя глупцу равнять зачем?...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	23
«Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	25
«Друг, ты попал в сети любви,— песенный дар я для тебя...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	27
«Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гуслир блажен...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	29

«Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	31
«От любви, как Меджнун, горю...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	34
«Жив доколь я, джан,— милой в жертву дан. Как избыть дурман?...» <i>Перевод С. Шервинского.</i> . . .	36
«Меджнун я, тоской палимый...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	38
«Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? Жжет она!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	40
«Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	42
«Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	44
«Чужбина — мука соловья: год сада он родного ждет!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	46
«Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	48
«Ты ярче сбриуи золотой в своих камнях, красавица...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	50
«Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	52
«Я болен от любви к тебе,— о злом недуге плачу...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	54
«Угодливо, народный раб, служить ступай, Саят-Нова!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	56
«Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах двоиться ты...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	58
«Рисунок лучших мастеров — в малейшей части у тебя...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	60
«Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	62

«Из всех людьми хваленных лир полней звучишь ты, каманча!...»	<i>Перевод В. Брюсова.</i>	64
«Меня и милую мою година та ж родила, знай...»	<i>Перевод В. Брюсова.</i>	66
«Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?...»	<i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	68
«Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?...»	<i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	70
«Красива очень шахатан,— певца не опорочишь ты...»	<i>Перевод С. Шервинского.</i>	72
«Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит...»	<i>Перевод К. Липскерова.</i>	73
«Склони свой слух, баритавур...»	<i>Перевод С. Шервинского.</i>	75
«Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!...»	<i>Перевод К. Липскерова.</i>	82
«Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!...»	<i>Перевод В. Брюсова.</i>	84
«Откуда ты? (я соловью)...»	<i>Перевод В. Брюсова.</i>	86
«С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты...»	<i>Перевод С. Шервинского.</i>	88
«Нынче милую мою видел я в саду...»	<i>Перевод В. Брюсова.</i>	90
«Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...»	<i>Перевод К. Липскерова.</i>	92
«Ты — как сирена, что губит плывущих...»	<i>Перевод М. Лозинского.</i>	95
«Страсть — огонь горящий,— приходя, пылает!...»	<i>Перевод Ю. Верховского.</i>	97
«Отраден голос твой, и речь приятна...»	<i>Перевод М. Лозинского.</i>	99

«Мне люди скажут: я по красе томлюсь...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	101
«Что без тебя сойбат мне и что мне саз?...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	103
«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	105
«Я ждал, я пролил столько слез...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	107
«Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	109
«Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, кра-са...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	110
«Ты — джаваир индийских стран, бесценный лал пленительный...» <i>Перевод Ю. Верховского.</i>	112
«Нахмуря взор, насупя бровь, глядишь,— твой врач стал пнем точь-в-точь...» <i>Перевод Ю. Верховского.</i>	114
«Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоскою опален!...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	116
«Роза шлет весть соловью: мол, расцвела,— ожи-дает...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	118
«О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	120
«Серебрится серебром...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	122
«Яр, тебе подходит алая тафта...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	124

II. ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

«Сколько звезда ни свети — в море воды не уба-вит...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	129
«То, что бархат я, что шелк я, что парча,— ты разве знаешь?...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	131

«О, приди, я твой, не гляди сурово...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	133
«Милая, давным-давно в сердце мне запала ты...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	135
«В соловьях нет недостатка, полон сад цветов,— не так ли?...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	137
«Говорю с тобой затем я...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	139
«Я — твой раб, тебе прислужник никакой не нужен...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	141
«Миру твой царственный облик на диво...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	142
«Иной, расслабленный, в бессильной брани...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	143
«Твоему суду сердце будет радо...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	145
«В сад весенний дверцу милой открою...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	147
«Взорам смертных словно роза рая ты...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	149
«Ты — пенная Кура...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	151
«Златые пуговики...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	153
«Пусть попугай поет...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	155
«Как можно другу отказать...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	157
«В саду любимой...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	159
«Захочешь душу...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	161
«Пропащая головushка!...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	163
«Питомица розы...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	165
«Полуночная звезда...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	167
«Разве голоден был...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	169
«Мало радости в том...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	171

«Оставь меня!...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	173
«Поверь мне, кованый железа кусок...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	175
«Говорят, гора крутая...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	176
«Улыбнулась бы мне разок!...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	179
«Что, если с кровли...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	181

III. ПЕРЕВОДЫ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

«Дитя океана! Мой перл! Для тебя...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	185
«Не поведаю миру моих скорбей...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	187
«Яр, отдай мне твои огорченья все...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	189
«Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	191
«Благословен строитель, возведший мост!...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	194
«Невыносимым стал мне песенный мой дар...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	196
«Темнеет мир в сердце моем...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	198
«Смерть придет ко мне незвано,— и себе я кров ищу...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	200
«Яр, мук терпеть не стану, нету силы...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	202
«Слова великих мудрецов...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	204
«В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда кладь моя...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	206
«Все расскажу о родинках любимой...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	209

«Надела золотую ткань на пурпурный атлас — яр...»	
<i>Перевод А. Тарковского.</i>	211
«Я тобой измучен, о моя пери!...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	213
«Она взрастила сад красот: айва и гранаты — в ней...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	214
«Полетим, бюльбюль, с тобою...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	216
«Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?...»	
<i>Перевод А. Тарковского.</i>	218
«Ты кисти Индостана вдохновенье...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	219
«Схожа с ланью, убежавшей от ловца...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	221
«О тебе распевал не один ашуг...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	223
«Розой раскрылась прелесть любимой...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	225
«Дрожа, предложил я безжалостной яр...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	227
«Кровью давнишняя рана сочится...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	229
«В когтях тоски забыта жизнь моя...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	231
«Глянь на грудь мою,— не кровь ли все течет, все течет!...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	233
«Весть пришла от яр прелестной: «Ни приветам, говорит...»	
<i>Перевод А. Тарковского.</i>	235
«Мир — ничто,— мне кто-то шепчет меж ветвей...»	
<i>Перевод К. Липскерова.</i>	236
«Охотнику оленя не настичь...»	
<i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	238

«Порой любовь другую хочу найти...» <i>Перевод</i> <i>А. Тарковского.</i>	240
«Какую ты преследовала цель...» <i>Перевод</i> <i>А. Тар-</i> <i>ковского.</i>	242
«Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погиб-	
ну...» <i>Перевод</i> <i>А. Тарковского.</i>	244
«С поникшей головой, в цепях...» <i>Перевод</i> <i>А. Тар-</i> <i>ковского.</i>	245
«Вы послушайте, что молвит вам ваш раб...» <i>Перевод</i> <i>К. Липскерова.</i>	247
«Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя, найдя...» <i>Перевод</i> <i>К. Липскерова.</i>	249
«Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник...» <i>Перевод</i> <i>К. Липскерова.</i>	251
«Да будут смертному слова мои ясны...» <i>Перевод</i> <i>В. Звягинцевой.</i>	253
«Я лишь слуга ашугов искушенных...» <i>Перевод</i> <i>К. Липскерова.</i>	255
«Мне ангелом любовь дана...» <i>Перевод</i> <i>В. Звягин-</i> <i>цевой.</i>	256
«От любви мне дышать невмочь...» <i>Перевод</i> <i>В. Звя-</i> <i>гинцевой.</i>	258
«Этот — друг твой, а та вот — услада ночей...» <i>Пере-</i> <i>вод</i> <i>К. Липскерова.</i>	260
«Хоть мастер опытный, весьма искусен ты...» <i>Пере-</i> <i>вод</i> <i>К. Липскерова.</i>	262
«Весь этот мир — лишь суета. Что край беды при-	
поминать?...» <i>Перевод</i> <i>К. Липскерова.</i>	264
 С л о в а р ь	 267

Саят-Нова
Л И Р И К А

Редактор *К. Телятников*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Л. Заселлева*
Корректор *Т. Козменко*

Сдано в набор 16/IV 1963 г. Подписано
к печати 12/VII 1963 г. Бумага $70 \times 108^{1/32}$
8,75 печ. л. 11,9 усл. печ. л. 5,149+1 вкл.=
=5,189 уч.-над. л. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 380. Цена 50 коп.

Издательство художественной литературы
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Garm-Hoba

Wavy lines and musical notation on a striped background.

